

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра общего языкознания

РЕКОМЕНДОВАНО К
ЗАЩИТЕ В ГЭК И ПРОВЕРЕНО
НА ОБЪЕМ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой,
д-р филол. наук, доцент

 Н.В. Лабунец

20.06 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(магистерская диссертация)

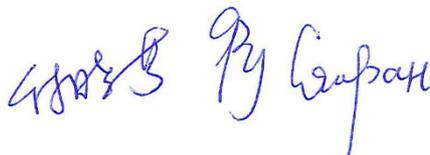
ЛЕКСИКА «РУССКОГО ЧАЕПИТИЯ» В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ:
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

45.04.01 Филология

Магистерская программа

«Русский язык и русская литература для иностранцев»

Выполнила работу
студентка 2 курса
очной формы обучения

Фу
Сяофан

Научный руководитель
д-р филол. наук, доцент

Лабунец
Наталья
Вадимовна

Рецензент
канд. филол. наук, доцент

Багирова
Елена
Петровна

г. Тюмень, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Теоретические основы лингвострановедения	9
1.1. Лингвострановедческая проблематика в российских и китайских исследованиях	13
1.2. Основные лингвострановедческие теории: теория лексического фона	19
1.3. Лексемы «чай», «чаепитие» в аспекте лингвострановедческого анализа: китайский ракурс исследования	29
ГЛАВА II. Лексика русского чаепития в литературных произведениях .	44
2.1. Лексика русского чаепития в литературных произведениях	44
2.1.1. Группа слов с основой «чай-»	47
2.1.2. Группа слов со значением «посуда»	59
2.1.3. Группа слов со значением «угощение»	63
2.2. Чайный этикет и речевое поведение	68
2.3. Лингвострановедческий эксперимент в китайской аудитории ...	74
2.3.1. Речевая ситуация «Чаепитие» как предмет обучения в китайской аудитории	75
2.3.2. Обучающий эксперимент, направленный на выявление уровня знаний лингвострановедческого характера	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	83
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	87
ПРИЛОЖЕНИЕ	92

ВВЕДЕНИЕ

Актуальной является проблема взаимодействия национальных языков и культур, поскольку определяет характеристику современного этапа развития научного направления «русского языка как иностранного» и изучается в многочисленных исследованиях российских лингвистов: Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Воробьева, О.Д. Митрофановой, Д.Б. Гудкова, В.И. Карасика, Ю.Е. Прохорова, В.В. Колесова, В.А. Масловой, Ю.С. Сорокина, Н.Е. Сулименко, Н.В. Кулибиного, Е.И. Стернина, В.Н. Телии, Е.Е. Юркова, С.Г. Тер-Минасовой, А.Д. Шмелёва, В.Д. Черняк, Г.Д. Томахина и др., также в работах китайских исследователей: У Гохуа, Ван Джицы, Лю Цзюань и др.

«Лингвострановедение», как и направление, обозначаемое соответствующим термином, стало системно разрабатываться в исследованиях Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова в работах «Язык и культура» [М., 1973, 1976, 1983, 1990] и «Лингвострановедческая теория слова» [М., 1980] и др. Здесь же обосновывается использование страноведческих фактов в процессе изучения языка и приемах ознакомления учащихся с новой для них культурой.

С конца прошлого века русские исследователи стали изучать «чай» с позиций истории, культуры и традиций, например: Н.П. Ивашкевич, Л.Н. Засурина «Искусство чайного стола», 1990; Ю.Г. Иванов «Энциклопедия чая», 2001; Э.Б. Басманова «Пей чай, мой друг старинный...», 2016 и т.д. Эти работы описывают историю чая в России: «Чай попал в Россию из Китая в 1638 году.

С того же время до сих пор он стал символом, иногда сутью русского застолья. И затем самовар превратился в образ жизни. Без него невозможно представить пьесу Чехова. Чаепитие сформировало особый русский быт – долгие разговоры о смысле жизни, и действие чая – странное!» [Басманова 2016, 13,72].

Одним из важных, ярких символов национальной культуры и ментальности является «чай», «чаепитие», поэтому изучение данного концепта важно для лингвострановедения. Однако мало исследований, посвященных описанию этого культурного феномена как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Проблема изучения взаимодействия языка и культуры, а, именно, выявление национально специфичного в семантике русских языковых единиц, стала *актуальной* научной задачей в преподавании русского языка как иностранного. О значимости данной проблематики свидетельствуют многочисленные работы: «Словари и лингвострановедение», 1982; «Лингвострановедение и текст», 1987; «Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности», 1997 и др. В то же время аспекты преподавания русского языка в китайской аудитории, в том числе и «чаепитие» как объект исследования, с позиции лингвострановедения изучены недостаточно.

Диссертационная работа посвящена исследованию национально-культурной специфики, лексико-семантической объективизации явления

«чаепития» в русском языке, а также созданию модели ее представления в китайских аудиториях, которая будет способствовать формированию лингвострановедческой компетенции у китайских студентов, изучающих русский язык.

Актуальность данной работы обусловлена интересом китайских студентов на уроках РКИ к изучению лингвострановедчески ценностной лексики группы «чаепитие», использованной в русских литературных произведениях. Это определяет значимость дальнейшего сопоставительного изучения семантики русской и китайской лингвострановедчески ценностной лексики.

Объектом нашего исследования является лексическая репрезентация «русского чаепития» для китайской аудитории.

Предмет исследования – процесс формирования необходимой лингвострановедческой компетенции у китайских студентов, изучающих русский язык.

В качестве *материала* исследования послужили лексические данные речевого процесса «чаепития» в русском языке, выполненные методом сплошной выборки из словарей (русских, китайских, русско-китайских) и русских литературных произведений, также переведенных на китайский язык.

Цель данной работы – изучение лингвострановедчески значимых лексических единиц речевой ситуации «чаепитие» в аспекте его представления китайским обучающимся.

Для достижения поставленной цели сформулированы *задачи*:

1. Выявить лингвострановедчески ценностную лексику, связанную с чаепитием на материале русских литературных произведений («Евгений Онегин» А.С. Пушкина и др.).
2. Пользуясь различными лексикографическими данными, основываясь на контекстуальном анализе, провести сопоставление выявленных слов в русском и китайском языках и описать специфику их значения, связанную с особенностями национальной культуры, истории, традиций.
3. Разработать систему упражнений для устранения лингвокультурных барьеров в аспекте речевого поведения на материале лексики «русское чаепитие».

Для исследования использовались следующие *методы*: метод сплошной выборки, сопоставительный метод, способствующий выявлению национальной специфики в языках и культурах; метод лексикографического и контекстуального анализа лексики, прием экспериментального обучения.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что её результаты дополняют теорию и методiku сопоставительного исследования семантики лингвострановедческой лексики, связанной с «чаепитием» в китайском и русском языках, в аспекте её функционирования в художественной речи. Исследование внесёт новые элементы в область изучения национальных лингвокультур, страноведчески значимой лексики.

Результаты работы могут служить основой для проведения дальнейших лингводидактических исследований по данной теме.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения полученных результатов на курсах межкультурной коммуникации, страноведения, лексикологии, практических курсах китайского и русского языков как иностранных, для самообразования преподавателей и широкого круга лиц, интересующихся чайной культурой.

Научная новизна диссертационной работы заключается в системном исследовании национально-культурной специфики семантики слов, касающихся «русского чаепития» в литературе, а также в выявлении специфических особенностей чайной культуры России и Китая. Все это важно и значимо для понимания лингвострановедческих проблем в диалоге двух стран.

Были использованы следующие *источники исследования*: толковые словари русского языка, толковые словари китайского языка, фразеологические словари, китайско-русские словари, русско-китайские словари, национальный корпус русского языка, тексты художественной и публицистической литературы.

Объем и структура исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Апробация работы. По теме исследования подготовлена и сдана в печать статья «К вопросу о чайных традициях в русской лингвокультуре». Состоялись выступления с докладами на конференциях: 69-й студенческой конференции в ТюмГУ» и «40-й Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию Дней славянской письменности и культуры, памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В методическом плане были апробированы материалы заданий и упражнений, подготовленных нами для китайской аудитории. Лингвострановедческий эксперимент проводился в средней школе города Хэцзэ (провинция Шаньдун).

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

«Чаепитие», как важный символ национальной культуры, играет важную роль во взаимоотношениях людей, в России есть такая поговорка: «В жидком чае всю родню видать» (喝茶见挚亲 *(наш перевод)*). «Чай», благоухающий и насыщенный ароматом напитков, во всем мире является символом духовного общения, символом самой жизни. Известная русская поговорка гласит: «Чай не пить, так на свете не жить» (无茶难活于世间 *(наш перевод)*). И в Китае тоже существует аналогичная известная поговорка: «Семь вещей ждёт нас после открывания двери: когда мы встаем утром, сначала мы должны приготовить дрова, рис, масло, соль, сою, уксус и чай», что свидетельствует о том, что «чай» является первоочередной потребностью. Когда все люди собираются за столом или встречаются с друзьями, чашка ароматного чая придает дополнительный оттенок нашему застолью. «Русское чаепитие», обладающее своеобразной языковой и культурной спецификой, для китайских студентов, изучающих русский язык, недостаточно исследовано в аспекте лингвострановедения. Поэтому с точки зрения «лингвострановедения» изучение данного концепта важно и значимо для овладения русским языком.

«Лингвострановедение» как научное направление стоит перед задачей описания того, как именно язык связан с определёнными (культурные, общественные, искусственные и т. д.) сведениями о стране этого языка. В.П.

Ковалев пишет: «Язык как общественное явление, возникшее в процессе коллективного труда, непосредственно связан с мышлением, является орудием мышления. Мысль, выраженная с помощью языка, становится известной другим людям. Язык возникает из потребности людей в обмене мыслями» [Ковалев 1969, 8] В.И. Ленин писал, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения». И на наш взгляд, главная цель лингвострановедения, «по большому счету, обеспечение коммуникативной компетенции в рамках межкультурной коммуникации, когда учащиеся усваивают язык до полноты, одновременно получают огромное духовное богатство, хранимое языком, проникают в новую национальную культуру» [Верещагин, Костомаров 1980, 5].

В то время, когда названный отцом лингвистики XX века швейцарский исследователь Фердинанд де Соссюр (фр. *Ferdinand de Saussure*) закладывал основу структурализма в области языкознания, лингвистика в основном изучала язык как стабильную структурную систему и использовала набор точных терминов для анализа и описания языка, раскрывала сущность и законы языка и закладывала прочную основу для развития лингвистики и дальнейших исследований.

С 1950-х и 1960-х годов лингвистика избавилась от оков структурализма и её больше не удовлетворяет анализ и описание замкнутой и статической системы лингвистической структуры, вместо этого приобретает важность изучение «языка в ситуации» и «языка в действии». Именно в контексте

данной теории лингвострановедение возникло в конце 1960-х - начале 70-х годов.

«Лингвострановедение» как независимый термин и как наименование дисциплины определяется в качестве определённого процесса, который тесно связан с новой методикой преподавания, предложенной В.Г. Костомаровом и Е.М. Верещагином в области преподавания русского языка как иностранного. В 1969 году Е. М. Верещагин в работе «Роль и место в практике преподавания русского языка как иностранного» употреблял термин «страноведение», который разъясняет точку зрения национального образования на преподавание русского языка. Два года спустя, в 1971 году, термин «лингвострановедение» впервые был использован в работе В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина «Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам» [М., 1971]. Широкое использование термина «лингвострановедение» началось после опубликования книги В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина «Язык и культура» [М., 1973,1976,1983,1990] и «Лингвострановедческая теория слова» [М., 1980]. «Речь в них шла об использовании страноведческих фактов в процессе изучения языка и приемах ознакомления учащихся с новой для них культурой» [Википедия URL]. После этой работы «лингвострановедение» как наименование дисциплины и термин уточняется и стандартизируется в исследовательских работах.

«Первоначально считали лингвострановедение областью методики, которая связана с исследованием путей и способов ознакомления учащихся с культурой страны неродного языка в процессе его изучения и в самом языке. Позже произошло переосмысление и уточнение содержания данного термина, и лингвострановедение стало трактоваться как методическая дисциплина, воспроизводящая в учебном процессе сведения о национально-культурной специфике речевого общения носителя языка с целью обеспечения коммуникативной компетенции студентов, изучающих русский язык. А.Н. Щукин определяет лингвострановедение как страноведчески ориентированную лингвистику, изучающую иностранный язык в сопоставлении с родным. При этом объектом рассмотрения выступает язык как носитель культуры изучаемого языка» [Википедия URL].

Изучаемое направление лингвострановедения делится на два типа: лингвистическое и методическое. Лингвистическое направление связано с анализом единиц языка с целью выявления национально-культурного смысла, заключенного в них: безэквивалентная лексика, невербальные средства общения (действия, передаваемые с помощью мимики, жестов и имеющие значения и сферы употребления, отличные от употреблений, принятых в родном языке), фоновые знания, характерные для говорящих на русском языке и обеспечивающие речевое общение, языковая афористика и фразеология, которые рассматриваются с точки зрения отражения в них культуры и национальных особенностей людей, говорящих на изучаемом языке.

Методическое направление связано со средствами введения, закрепления и активизации своеобразных языковых единиц национально-культурного содержания, извлекаемых из изучаемых текстов.

1.1. Лингвострановедческая проблематика в российских и китайских исследованиях

В 1984 году Г.Д. Томахин констатировал, что лингвострановедение следует рассматривать как отрасль лингвистики. Как считает исследователь, «существует четыре различных понятия о лингвострановедении: 1. Страноведчески ориентированная лингвистика; 2. Отрасль социолингвистики; 3. Составная часть лингводидактики; 4. Составная часть лингвистики» [Томахин 1984, 27]. Г.Д. Томахин считает «лингвострановедение, которое является частью лингвистики, филологической наукой. Объект исследования этой дисциплины должен быть языковой единицей, отражающей культуру и быт определенной этнической культуры. Задача дисциплины заключается не только в том, чтобы использовать лексику для понимания культуры, но и в накоплении культурных знаний для того, чтобы более полно раскрывать смысл слов и передавать соответствующие знания в коммуникативной деятельности, а также выразить национальную культуру и четкие этнические особенности национальной среды» [Томахин 1984, 31].

В.А. Доборович отмечает, что «отсутствие необходимых культурных сведений, относящихся к речевому этикету, которые составляют своеобразный фон в коммуникативном акте, может привести к непониманию в процессе общения между носителями различных языков. Употребление в речи той или иной языковой единицы связано не только с вербальным окружением данной единицы, но оно связано с различными историческими, культурными и социальными факторами» [Доборович 1983, 61]. Необходимо отметить, что лингвострановедение тесно соприкасается со страноведением, при этом в них совпадает материал изучения, а различия касаются приемов и способов презентации, закрепления и активизации этого материала. Тексты, с помощью которых передается общестрановедческий материал, принадлежат, как правило, к справочно-энциклопедическому жанру научной литературы; лингвострановедческие тексты являются публицистическими и художественными и принадлежат к общелитературному, публицистическому и разговорному стилям речи, которые типичны для художественного произведения, газеты или журнала. Если общестрановедческие материалы прежде всего информируют читателя, т.е. воздействуют на его интеллект и рациональную память, то лингвострановедческие стимулируют образное мышление, влияют на чувства, формируют вкус, следовательно, наряду с передачей «деловой» информации оказывают воздействие на эмоции человека и его образно-художественную память. Вместе с тем, страноведение и

лингвострановедение тесно примыкают друг к другу, что послужило причиной дискуссии в научных кругах.

Вызывает сомнение, отмечают ученые, утверждение Ю.Е. Прохорова, что лингвострановедение и страноведение не имеют общего предмета, т.к. «Страноведение – это система знаний (сведений), а лингвострановедение – методика включения данных сведений в процесс обучения иностранного языка как средству коммуникации» [Прохоров 1990, 78]. Представляется необоснованным лишение лингвострановедения статуса филологической науки по той причине, что «не может быть создан учебник по лингвострановедению». Мы, в свою очередь, придерживаемся идеи о практическом создании подобных учебников по лингвострановедению разных языков и их вариантов, как, например, уже существующее «пособие американского варианта английского языка». Такие учебники не просто содержат набор информации о стране, а подают такую информацию в преломлении через лексику языка или его варианта и формируют положительное отношение к стране изучаемого языка. Лингвострановедение является филологической наукой, потому что предоставляет теоретический материал для последующего его применения в прикладных целях.

Проблема отношения друг к другу страноведения, лингвострановедения и введение термина «лингвокультуроведение» некоторыми авторами требует решения принципиального вопроса об определении терминологии. Точно так же, как и в факте совпадения изучаемого материала, прослеживается

совпадение или перекрещивание терминов, обозначающих страноведение и так называемое лингвострановедение. Последнее название было предложено основоположниками направления Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, однако Г.Д. Томахин считает, что «оно, исходя от термина «страноведение», само по себе является идеологически направленным, поскольку любое страноведение служит целям, политике и идеологии той страны, для потребностей которой оно создано. Во избежание подобной политической и идеологической окрашенности он предлагает для данной отрасли лингвистики название культуроведение» [Материалы конференции «Страноведение в курсе иностранных языков» 1996, 12]. Этим же термином пользуется В.П. Фурманова, которая считает, что «термин «культуроведение» наиболее полно раскрывает суть включения культуры в разнообразных формах ее проявления в теорию и практику учебного процесса». Автор указывает при этом, что «нет четкого описания минимального объема культурных фоновых знаний в отличие от языковых и речевых явлений и что преобладает фрагментарный характер их презентации. Она предлагает функциональную модель культуры, рассматриваемую как совокупность культурных фоновых знаний, а именно: историко-, этно-, социокультурного и семиотического фонов. Историко-культурный фон включает знания об основных исторических событиях и культурных традициях. Этнокультурный фон – это знания об этническом укладе и нормах жизни, о народных праздниках, этнокультурном статусе носителей языка; социокультурный – о

социальной стратификации общества, правилах и нормах поведения, социокультурном статусе субъекта; семиотический – об иноязычном культурном пространстве и символике, специфике иноязычного окружения» [Фурманова 1996, 105-108].

Нельзя не отметить ясную и четкую логику в данной классификации фоновых знаний, однако в отношении термина «лингвокультуроведение» отметим, что он очевидно несет на себе смысловую нагрузку изучения культуры и не заостряет внимания на ее исследовании через язык. Ю.Е. Прохоров, разграничивая понятия лингвострановедение, страноведение и лингвокультуроведение, дает определение лингвокультуроведения как филологической дисциплины, предметом которой является «определенным образом отобранная и организованная совокупность духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности, включаемая в учебный процесс с целью обеспечения образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [Прохоров 1990, 80]. Из приведенного определения автоматически не следует представление информационного материала через лексические единицы языка. Такую функцию выполняет термин лингвокультуроведение. Н.В. Гуль использует термин «лингвокультуроведение», определяя им интегрирование культуры в процесс обучения иностранного языка [Гуль 1996, 82]. Отрасль языкознания под данным названием изучает национально-культурное наследие многих поколений людей и весь пласт накопленной ими культуры, причем, что очень

важно отметить, это делается через язык. Однако этот термин не содержит в себе семантической доли территориальности, и поэтому совершенно неясно, культуру ли одной страны или культуру всей цивилизации изучает данная отрасль лингвистической науки. В связи с этим представляется целесообразным использовать устоявшийся термин «лингвострановедение», именно им мы будем оперировать в нашем исследовании.

Развитие терминологии является показателем развития самой науки. Доказательством того, что лингвострановедение развивается самостоятельно и является особой отраслью лингвистики, служит тот факт, что на базе общей ее теории, разработанной Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым в применении к русскому языку, возникла так называемая «страноведчески ориентированная вариантология», новое направление сопоставительного лингвострановедения. Данный термин предложен В.В. Ощепковой, которая впервые в рамках страноведчески ориентированной лингвистики осуществила выявление и последовательную сопоставительную семантизацию национально маркированных словесных образов в основных национальных вариантах английского языка.

Итак, лингвострановедение является особой отраслью языкознания, имеющей собственный предмет и методы исследования, причем термин «лингвострановедение» являет собой наиболее полное воплощение его сути как филологической науки. Лингвострановедение развивается с течением

времени, и этот процесс привел к возникновению страноведчески ориентированной вариантологии.

1.2. Основные лингвострановедческие теории:

теория лексического фона

Всем известно, «слово – одна из основных единиц языка, представляет собой единство различных сторон: фонетической, грамматической, лексической» [Рогожникова 1966]. Конечно, лексическое значение слова – самое значимое, оно играет важную роль в языке, потому что без него не было бы слова вообще.

Подчеркивая особую «культурную нагруженность» языка на уровне лексикологии» [Шаклеин 1998, 99], исследователи отмечают, что именно лексико-семантический уровень языка с его культурной информативностью является базой, строительным материалом и служит главным объектом для лингвострановедческих исследований. «Если мы вправе говорить о национально-культурном колорите языка, то его следует искать, прежде всего, в лексике, особенно в тех сферах, которые прямо или опосредованно связаны с социально-этническими и национально-культурными особенностями жизни и «среды обитания» носителей языка» [Кузнецов 1987, 149].

Как подчеркивают исследователи, особую роль в отображении картины мира играет номинативный аспект лексики, её непосредственная

обращенность к экстралингвистической реальности: «Ближе к окружающему миру находится лексика в ее номинативном аспекте – слова, именующие понятия человека как о внешнем мире, так и о внутреннем его состоянии ... В лексических единицах, рассматриваемых с ономаσιологической точки зрения, т.е. в их отношении к экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления» [Уфимцева 1988, 120].

Основные лексические разряды слов играют различную роль в передаче значения, с точки зрения лингвострановедения. Так, по мнению А.А. Уфимцевой, «конкретная лексика, представленная в любом языке предметными именами, обозначающими все многообразие предметного мира, включает в свою семантику информацию, находящуюся в «первом эшелоне» человеческих предметных знаний» [Уфимцева 1988, 140].

Наиболее ярко кумулятивная функция проявляется в сфере лексики, так как именно она непосредственно связана с предметами и явлениями окружающей действительности. Лексическая система в большей мере обусловлена категориями материального мира, социальными факторами. Слово, имя конкретной вещи, конкретного явления, однозначно, но оно не простой знак вещи или явления. Слово может рассказать и о времени, и о среде, в которой оно бытует. Прежде всего в лексике отражаются фрагменты социального опыта, обусловленного основной деятельностью данного народа. Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и установки

культуры: через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных группах из поколения в поколение. Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

В 1960 – 1980-е г. в лингвистике было распространено убеждение, что в лексикологии должны изучаться слова, а не понятия, выражаемые при помощи слов. Такое убеждение проводилось под знаком «специфики языка», необходимости изучать язык как определенную замкнутую систему вне социологии. Против этой позиции выступали многие отечественные лингвисты, и сегодня в центре внимания большинства исследователей находится анализ слов, носителей культурных концептов, отражающих особенности образа мышления и мировидения у разных народов (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.В. Воркачев и др.) Концептосфера языка, его лексикон, объединяют в себе слова, обозначающие концепты культуры каждого народа, его мировидение. «Язык есть имя нации, как особого духовнокровного единства, создающего свою культуру, т.е. царство идеальных ценностей» [Федотов 1990, 448].

Нельзя отрицать, что два слова в двух разных языках, обозначающих один и тот же предмет в культуре двух народов и являющихся переводными эквивалентами, неизбежно связываются с нетождественными содержаниями, и это также позволяет говорить о существовании «национальных смыслов»

лексем. Мы разделяем позицию тех исследователей, которые широко понимают лексическую семантику, включая в нее синтагматику лексем, ее коннотации. Так, согласно лингвострановедческой концепции слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «семантика слова лексическим понятием не исчерпывается: семема членима и складывается из множества семантических долей (далее – СД), те СД, которые обеспечивают классификацию предмета, и входят в состав лексического понятия. Если из семемы вычесть понятийные СД, то в остатке окажется совокупность непонятийных СД. Эту совокупность мы именуем лексическим фоном» [Верещагин, Костомаров, 1980, 24].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, разрабатывая как общетеоретические, так и методические аспекты проблемы «язык и культура», разделили «слова, имеющие культурный компонент, на три основные группы: 1) безэквивалентные; 2) коннотативные; 3) фоновые» [У Гохуа 2001, 200].

К первым относятся слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре, и не имеющие прямых эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат.

Коннотативные слова не просто указывают на предмет, но и несут в себе обозначение его отличительных свойств. Коннотация, как ее определяет В.Н. Телия, «представляет собой сопутствующее значение языковой единицы, устойчиво связанное с основным ее значением в сознании носителей языка». Коннотации влияют на особенности речеупотребления, несут дополнительные смысловые нагрузки: политические, культурные, исторические и тому

подобные. «Коннотация включает, кроме этих дополнительных семантических элементов, элементы стилистические. Коннотативная лексика предназначена для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания и, будучи разновидностью прагматической информации, отражает не сами предметы и явления и культурные традиции общества, а определенное отношение к ним» [Телия 1986, 52].

Фоновая лексика – слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение, известное говорящим и слушающим, принадлежащим к данной языковой культуре.

Как отмечают исследователи, наиболее сложную группу с точки зрения определения лексического национально-культурного содержания образует фоновая лексика. Доказано, что если сравнивать понятийно-эквивалентные слова в разных языках, то они будут отличаться друг от друга в силу того, что каждое из них сопряжено с определенной совокупностью знаний.

Вся совокупность свойственных обыденному языковому сознанию сведений, относящихся к слову, называется лексическим фоном. Исходя из теории, основывающейся на разграничении собственно лексического значения и лексического фона, реалиями нужно считать слова, которые не имеют понятийных соответствий в сопоставляемых языках из-за отсутствия самых обозначаемых предметов, а фоновой лексикой – слова, различающиеся своими фонами из-за несовпадения отдельных семантических

долей (их иногда называют второстепенными признаками). Но дело в том, что именно эти отдельные семантические доли часто играют решающую роль в отнесении слова к данной культуре, так как только в этих компонентах заложена национальная самобытность обозначаемого тем или иным словом явления.

Тему фоновых знаний исследует Г.Д. Томахин [Томахин 1980, 24], настаивая на необходимости трансляции культурологической информации в преподавании иностранного языка, ставящем своей целью передачу обучающемуся минимума фоновых знаний, которыми обладает носитель. Это в какой-то степени напоминает аккультурацию (т.е. процесс усвоения личностью, выросшей в одной культуре, элементов другой культуры), однако приобретение знаний о культуре в лингвострановедении принципиально отличается от аккультурации. Изучающий иностранный язык остается носителем своей культуры, однако его фоновые знания обогащаются, приобретая элементы культуры страны изучаемого языка; тем самым он становится в какой-то мере носителем мировой культуры, начинает лучше понимать и ценить собственную культуру.

Фоновые знания как основной объект лингвострановедения исследовали многие ученые и учителя-практики [Томахин 1998, 71]. Среди работ, обращенных к данной теме, отдельного внимания заслуживает монография Л.Б. Воскресенской «Лингвострановедческая паспортизация лексики», в которой автор рассматривает «научные основы отбора, организации и

паспортизации лингвострановедческих материалов (безэквивалентной, фоновой и коннотативной лексики), предназначенных к использованию в языковом учебном процессе на ранних стадиях обучения русскому языку как иностранному». Суть предлагаемого метода исследования заключается в отборе страноведчески ценной лексики из всего лексического минимума начального этапа с дальнейшей «паспортизацией» ключевых слов. При этом лингвострановедческая паспортизация слова определяется как «комплексное синхронное описание в методических целях информации о предмете или явлении, обозначаемом словом, и совокупности языковых данных, с помощью которых реализуются внеязыковые сведения» [Воскресенская 1985, 34].

Отдельную группу отечественных лингвострановедческих исследований составляют работы, связанные с проблемами учебного текста и развитием навыков чтения. В них рассматриваются тексты различной жанровой принадлежности и целевой направленности, при этом под лингвострановедческим углом зрения анализируется их содержание и форма, а также обсуждаются вопросы их использования для приобщения иностранцев к национальной культуре русского народа [Всеволодова 2008, Фурманова 1993 и др.]. Авторы обращают внимание на выразительные возможности языковых единиц различных уровней (фонетического, морфологического и синтаксического), на лингвостилистические способы создания экспрессивного эффекта (эллипсис и антиэллипсис), описывают речевые единицы, самостоятельно выполняющие функцию национально-культурной

номинации в тексте, а также изучают возможности работы с фоновой информацией.

В соответствии с определением, данным в «Словаре лингвистических терминов», «фоновое знание (background knowledge) – это обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова 2005, 498], поэтому наличие общих знаний является основной предпосылкой для адекватного общения, когда коммуниканты принадлежат к различным лингвокультурным общностям. В ходе обучения студенты должны усвоить определенный объем фоновых знаний, который в современной методике определяется как «фреймовая пресуппозиция» [Фурманова 1993, 8]. Фреймовую, или когнитивную, пресуппозицию рассматривают как единицу, лежащую в основе фоновых знаний инокультурной общности, «как невербальный компонент коммуникации, как сумму условий, предпосылаемых собственно речевому высказыванию и являющихся национально-специфическим индикатором интракультурного общения» [Халеева 1991, 312].

«Основу фреймовой пресуппозиции составляет концепт как некая абстрактная схема, в которой заложен операционный механизм когнитивного познания» [Фурманова 1993, 67]. Представляется, что фреймы как когнитивные структуры являются способом организации фоновых знаний. «Введение фрейма в организацию учебного материала обеспечивает целенаправленное поэтапное построение когнитивной системы вторичной

культурно-языковой личности, максимально открытой к межкультурному взаимодействию» [Астафурова 1997, 102].

В.П. Фурманова выделяет следующие разделы фоновых знаний, которыми должна овладеть «культурно-языковая» личность для успешного общения в ситуациях межкультурной коммуникации:

- «историко-культурный фон, хранящий сведения о культуре общества в процессе его исторического развития;

- социокультурный фон;

- этнокультурный фон, передающий информацию о быте, традициях, праздниках;

- семиотический фон, содержащий информацию о символике, обозначениях, особенностях иноязычного окружения» [Фурманова 1993, 81].

Одна из простых и удобных моделей, предназначенных для анализа специфики иноязычной культуры, была предложена Х. Хамерли, который выделяет:

- «информационную (или фактическую) культуру (знания по истории, географии, общие сведения, которыми обладает типичный представитель общества);

- поведенческую культуру (особенности взаимоотношений в обществе, нормы, ценности, разговорные формулы, язык телодвижений);

- традиционную культуру с «большой буквы» (художественные ценности)» [Хамерли 1982, 126].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что одни слои лексики более очевидно обусловлены социальными факторами, другие – менее очевидно. Если для фразеологических единиц национально-культурное содержание является ядром, то в именах собственных оно представлено как коннотация.

Таким образом, исходя из содержания понятия «лингвострановедение», можно определить лингвострановедческий аспект лексики иностранного языка как присутствующую в ней специфическую информацию о национальных (социальных, исторических, культурных, экономических и многих других) особенностях страны изучаемого языка. При этом, описание «социокультурной сущности» лексических единиц включает в себя интерпретацию как специфических реалий, стоящих за ними, так и форм представления этих реалий. Другими словами, *лингвострановедческий компонент может присутствовать и на экстралингвистическом, и на лингвистическом уровнях, проявляясь как в плане содержания, так и в плане выражения.*

Более того, лингвострановедческий аспект – это умение вычленять, анализировать и использовать лингвострановедческий компонент в преподавании, что становится признаком современного подхода к обучению иностранному языку. Вместе с тем мы считаем целесообразным расширить понятие лингвострановедческой лексики и использовать его применительно к преподаванию не только иностранного, но и родного языка. Очевидно, что

фоновые знания о культуре страны и маркирующие их единицы словаря необходимо изучать не только носителям иной лингвокультуры, но и тем, для кого изучаемая лексика является родной.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно отнести к лингвострановедческой лексике: безэквивалентные слова и выражения; слова, служащие для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре; ставшие интернационализмами номинации историко-культурных реалий данной страны (этнолингвистический аспект); частично эквивалентную лексику, которая содержит коннотации (в том числе выраженные во «внутренней форме» или в словообразовательном значении слова) или же имеет переносные значения, отсутствующие у ее эквивалентов в других языках (собственно лингвистический аспект).

1.3. Лексемы «чай», «чаепитие» в аспекте

лингвострановедческого анализа: китайский ракурс исследования

С того же времени, когда в 1638 году монгольский хан прислал русскому царю 60 кг чаю, этот напиток полюбился и русскому народу. Вскоре русское чаепитие приобрело статус чайной культуры, обладающей уникальной спецификой.

Изучение лексического раздела с позиции лингвострановедения помогает не только изучать языки, но и лучше узнать национально-

культурные особенности двух стран. «Современный этап изучения слова и его семантической структуры характеризуется развитием сверхглубинных семантических исследований, проникновением в имплицитные слои семантического устройства слова, что потребовало интегральных методов исследования» [Скляревская 1993, 14]. Лингвисты подчеркивают чрезвычайную сложность «устройства плана содержания», «беспредельность» смыслового содержания слова, а также тот факт, что «каждое слово и каждый языковой элемент заряжен бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков» [Лосев 1982, 410].

Таким образом, в соответствии с интегральной концепцией, которая актуальна для современного этапа изучения семантического аспекта, лексическое значение понимается как «сложная избыточная структура, состоящая из денотативного содержания, включающего ядро и периферию, и коннотативного окружения» [Скляревская 1993, 15]. Стоит отметить и тот факт, что лексическое значение слова признается как комплексный, многоуровневый и неоднозначно трактуемый феномен.

Лексико-семантический уровень языка, выступающий в роли не только «бесстрастного отражателя» реальных сущностей, но и в роли транслятора ценностно-оценочного отношения к ним, составляет основной предмет лингвострановедческих исследований языка.

В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных вопросам реконструкции концептосферы, отдельных концептов

по данным языка и, прежде всего, по данным лексико-семантической системы, например, работы С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Е.Н. Сергеевой и других. Они утверждают, что основную информацию о концепте содержит имя концепта, исследование которого должно осуществляться с опорой на различные лексикографические источники и с учетом семантических, словообразовательных и ассоциативных связей.

С целью детального описания лексемы «чай», следуя системе исследований имени концепта, для анализа были выбраны следующие словари:

- Толковые словари русского языка различного периода;
- Толковые словари китайского языка;
- Двухязычные словари (русско-китайские и китайско-русские).

Обращение к лексикографическим изданиям как основному источнику данных собственно лингвистического и лингвострановедческого характера представляется закономерным, поскольку в различных словарях последнего десятилетия в полной мере воплощается антропоцентризм современной лингвистики. Анализ словарей позволяет получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти. Н.Ю. Шведова в связи с этим отмечает, что «одна из основных функций языка заключается в выражении связанности, сочлененности всего существующего. В словаре это проецируется на мир

человека и его окружение и служит воспроизведению существующих в этом мире отношений и зависимостей» [Шведова 1998, 162].

По мнению В.А. Козырева и В.Д. Черняка, авторов книги о словарях русского языка «Вселенная в алфавитном порядке», в мировой лексикографической практике «наблюдается отчетливое стремление закреплять в словарной форме результаты изучения всех уровней языковой структуры, представлять в виде лексикона все языковые единицы содержательного и формального плана» [Козырев, Черняк 2000, 4].

Сегодня все больше осознается роль словарей в осмыслении культурного наследия народа. Н.Ю. Шведова отмечает, что «Словарь разворачивает перед своими читателями картину мира такой, как она существует в сознании носителей данного языка, причём эта картина словарём представляется в исторической перспективе. Погружаясь в мир слов, читатель открывает для себя живую картину общественных отношений, быта, национальных знаний и умений, представлений об окружающем мире, закрепившихся в народе в виде социальных оценок и квалификаций. В исторической перспективе предстают изменения в общественных устройствах, в состоянии научных знаний, в становлении и развитии профессий» [Шведова 1988, 162].

Прежде чем обратиться к данным толковых словарей, необходимо отметить, что по данным «Частотного словаря русского языка» под ред.

Л.Н. Засориной, лексема «чай» характеризуется самой высокой частотностью среди наименований блюд и напитков (*чай* (224), *борщ* (18) *каша* (25)).

Как известно, толковые словари являются основным типом лексикографических изданий. Хотя основная задача толковых словарей видится в объяснении значений или системы значений слов, информация, содержащаяся в них, направлена и на стилистические свойства слов, на фразеологические обороты, в которые входит данное слово и т.д., следовательно, в них представлено максимальное число лексикографируемых параметров. Являясь центральным типом словарей, толковые словари в значительной степени выполняют функции других лексикографических изданий.

Чтобы проследить динамику интерпретации лексемы «чай» в русском языке, обратимся к ряду основных толковых словарей русского языка.

В «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля лексема «чай» представлена следующим образом.

«**Чай**, м – «деревцо *Thea bohea et viridis*, *чайное* дерево или подсушенные листья его и сам настой этих листьев, напиток. Также *цай, чвай*. *Пожалуйте кушать чай! Чаи черные, цветочные, зеленые, красненькие, желтые (высшие). Чай и (да) сахар, и: чай с сахаром!* Пожеланье, как хлеб-соль, застав кого за чаем. *Чай мятный, шалфейный* и прочий настой. *Грудной чай, набор. Ныне уж нет сбитню, а все чаек; не просят на водку, а просят на чай. На Руси никто еще чаем не подавился*, когда попадет в чашку стебелек.

*Чай внакладку, чай вприкуску, а шуточно и вприлизку, и вприглядку. Чай с позолотой, с ромом. Звать на чай, на вечер. Вместе чай пить, в трактире купить, продать что, заключить обязательство. По чаям ходить, добру не быть, по трактирам. Где чаи, там и немощи. Такой чай, что сквозь него Кронштадт виден (из Питера), или: Москву насквозь видно! Этот чай-ай, ай, ай! Не чай, а ай. Напоить крепким чаем – отравить. Чагирский, монгольский чай, растен. *Saxifraga crassifolia*, бадан (ошибочно *Geum urbanum*). Лесной чай, растение *Linnea borealis*, волосяник. Мышиный чай, растение *Astragalus diffusus*. Курильский чай, растение *Potentilla fruticosa*. Луговой чай, растение *Lusimachia nummularia*. Кирпичный чай, сбитый в бруски, кирпичи; он крошится, варится с молоком и хлебается ложками. Кирпичный чай, растение *Rhododendron*. Иван – чай, растение *Epilobium*. Калмыцкий чай, растение *Glycyrrhiza aspergima*. Каменный чай, растение *Statice speciosa*. Чайный прибор, посуда» [Даль 2010, 661].*

«Чайник, чайница». 1. «Охотник до чая. 2. Чайник, посудина с ручкой и носиком для заварки, настою чаю. *Чайником* зовут и большую, медную посуду, в коей греют воду, подают кипяток. *Чайница*, сосуд, в коем держат сухой чай» [Даль 2010, 661].

Представляется возможным заключить, что В.И. Даль выделяет следующие содержательные компоненты в лексеме «чай» (растение, его высушенные листья, напиток (собственно чайный и травяной)).

В иллюстративном материале, включенном в словарную статью, содержится большое количество различного рода устойчивых словосочетаний: «звать на чай», «чай вприкуску» и другое. В этой же словарной статье приводятся следующие однокоренные слова: *чайник*, *чайница*, *чаевать*, *чайничать*, *чаевицик*.

«Не все слова и словосочетания, приведенные В.И. Далем в словарной статье к слову «чай», актуальны в современном речевом общении (например, «чай внакладку», «чайничать», «чаевицик») и потому не являются необходимым компонентом обучения в иностранной аудитории» [Цзоу Сюецян 2007, 83].

В то же время многие слова и словосочетания в словаре являются частями позитивного словаря российских пользователей. например, «мятный чай», «чай вприкуску», «звать на чай».

Также следует отметить, что «в данный словарь включено немало словосочетаний, являющихся для носителей китайского языка страноведческими лакунами. Так, выражения «*такой чай, что сквозь него Кронштадт видно*» или «*по-купецки чай пьет, не по-купецки расплачивается*» могут быть адекватно восприняты представителями китайской культуры только при наличии детального страноведческого комментария».

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова слову «чай» соответствует следующая словарная статья:

«**Чай**, я (ю), [от китайск. Cha-ueh-чай в листьях].

1. Название различных видов вечнозеленого растения, из листьев которого готовится напиток.

2. (мн. употр. только в значении различных сортов). Листья такого растения, особым образом приготовленные, на которых настаивается этот напиток. *Черный чай, зеленый чай, китайский чай, цейлонский чай, заварить чай* или *чаю*, купить чай.

3. (мн. в том же знач. – прост.). Напиток, настоянный на таких листьях. *Стакан чаю. Кругликов отхлебнул последний глоток чаю.* Короленко. || (мн. употр. только в значении разных сортов.). Суррогат этого продукта или настоянный на суррогате напиток. *Морковный чай. Фруктовый чай.*

4. Только ед. Настой на каких-нибудь листьях или травах, преимущ. *Лекарственный. Мятный чай.*

5. Только ед. Чаепитие. *Во время чая. Вечерний чай. К чаю все перешли в гостиную.* Тургенев. *Я причесался, почистила и сошел вниз к чаю.* Тургенев.

6. Вечер, банкет, времяпрепровождение с питьем чая и угощением. *Устроить чай. На чай* (давать, брать) – награждение за мелкие услуги (швейцару, официанту и пр.). *На чашку чая* (пригласить, звать и т.п.; разг.) – в гости, чтоб провести время за чаем с угощением [Ушакова 2008, 1174].

«**Чай**, вводное слово (прост.). Пожалуй, по-видимому; вероятно. *Он, чай, давно уж за ворота, домой, и спать залег.* Грибоедов. *Чай, седьмой десяток доживает старуха.* Тургенев. *Клязу, чай, какую-то сочинил.* Салтыков-Щедрин. [Выражение «чай» возникло из «я чаю» (от слова «чаять», т.е.

«думать, предполагать»), причем первонач. говорили также «я чай». *Ведь, я чаю, скоро и учителя придут.* Фонвизин]» [Ушакова 2008, 1174].

В словаре Д.Н. Ушакова семантический объем лексемы «чай» (по сравнению со словарем В.И. Даля) расширен путем включения значений «чаепитие» и «вечер/банкет». Интересно, что отдельно выделенное значение «настой на травах, преимущественно лечебный» обозначено в словаре как устаревшее. Отмечается также оттенок этого значения «суррогат этого продукта».

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова лексема «чай» представлена следующим образом.

«Чай – мн. (при обозначении сортов) *-и, -ёв, м.*

1. Высушенные и особо обработанные листья некоторых культивируемых вечнозелёных растений, на которых настаивается горячий напиток. *Зелёный чай. Китайский чай. Заварить чай.*

2. Напиток, настоянный на таких листьях. *Пить чай. Крепкий чай. Стакан чаю. Пригласить на чашку чая (в гости). Липовый чай.* (настой на цветках липы).

3. То же, что чаепитие. *Вечерний чай. За чаем. Позвать к чаю.*

4. *На чай* (давать, брать) (устар.) – деньги за мелкие услуги (например, официанту) // *уменьш. чаёк, чайку*, м. (ко 2 знач.; разг.) // прил. *чайный, -ая, -ое. чайные плантации Грузии. Чайный сервиз* (для питья чая). *Чайная ложка* (малого размера).

5. **Чай**, вводное слово (прост.). По-видимому, вероятно. *Ты, чай, не придёшь?*

6. **Чайная**, *-ой, ж.* Род столовой, где посетители могут напиться чаю и закусить.

7. **Чайник**, *-а, м.* 1. Сосуд с ручкой и носиком для кипячения воды или заварки чая. *Электрический ч. Фарфоровый ч.* 2. Новичок, неопытный в чём-нибудь человек, а также вообще простак, глупец (прост.) // *уменьш.* **Чайничек**, *-чка, м.* (к 1 знач.)» [Ожеков 2013, 702] .

В «Новейшем большом толковом словаре русского языка» (БЭС) С.А. Кузнецова и др. лексема «чай» представлена следующим образом.

«**Чай**, *-я (-ю)*, предложный падеж. В чае и в чаю; *м.* [тюрк. чай из китайск.].

1. Вечнозелёное дерево или кустарник, из высушенных листьев которого готовится ароматный напиток; листья таких растений. *Куст чая. Плантации чая. Разводить, выращивать ч. Собирать ч.*

2. Высушенные и особо обработанные листья этого растения, служащие для приготовления напитка. *Пачка чаю. Заварить чай. Индийский чай. Высыпать чай в чайник* // в составе названий высушенных лекарственных трав, кореньев и т. п., настой из которых употребляется в лечебных целях. *Грудной чай. Слабительный чай. Липовый чай.*

3. Ароматный напиток, настоянный на этих листьях. *Сладкий чай. Крепкий, жидкий чай. Разливать чай. Пить чай. стакан душистого чая.*

Пролить чай на стол. Распивать чаи; гонять чаи (разг. чаёвничать) // Настой на каких-либо листьях, травах и т.п., заменяющий этот напиток. Морковный чай. Цветочный чай. Пить липовый чай.

4. Чаепитие. *Утренний чай. Беседовать за чаем. Звать, приглашать на чай. За чашкой чая* (во время чаепития).

5. Кирпичный чай. Низший сорт чая, спрессованный в форме кирпичей. *Чай да сахар; чай с сахаром.* Народно-разг. Приветствие, доброе пожелание пьющим чай. *На чай давать* (брать и т. п.). Давать (брать) чаевые. *Чаёк, чайка, чайку; м. ласк. Пить чай»* [Кузнецов 1998, 1468].

«Чай, вводное слово. Народно-разговорное.

1. Употр. для выражения предположения, допущения; вероятно, пожалуй, по-видимому. *Уже, чай, часов девять. Надо идти, а то меня, чай, заждались. Вы, чай, устали? Здравствуй, барыня сударыня, дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна* (Пушкин).

2. Употр. для подчёркивания достоверности высказывания в значении: всё-таки, ведь, кто-л. *Чай, не чужой человек. Чай, не напрасно работал. Чай, у меня и гордость есть»* [Кузнецов 1998, 1468].

«Чаепитие: -я; ср. 1. Питьё чая (3 значение) (обычно длительное). *Ужин закончился чаепитием. Утреннее чаепитие. Рассказать новости за чаепитием.* 2. Приём гостей с угощением (обычно чаем). *Устроить чаепитие. Пригласить кого-л. на чай.*

Чайник: -а; м.

1. Сосуд с ручкой и носиком для кипячения воды или для заварки чая. *Фарфоровый чайник. Эмалированный чайник. Электрический чайник. Горячий чайник. Поставить чайник. на плиту. Согреть воды в чайнике* // Количество жидкости, равное объёму такого сосуда. Чайник воды. Вылить весь чайник.

2. Шутл. О неопытном человеке, новичке в чем-л. *Чайничек, -чка; м. Уменьш.-ласк. Чайниковый,-ая, -ое* [Кузнецов 1998, 1468].

В различных толковых словарях русского языка обнаруженное нами несоответствие развития семантического наполнения слова «чай» отражено в приведенной ниже сводной таблице.

В.И. Даль	Д.Н. Ушаков	С.И. Ожегов	С.А. Кузнецов
Растение	Растение	Растение	Растение
Высушенные листья	Высушенные листья	Высушенные листья	–
Напиток	Напиток	Напиток	Напиток
–	Чаепитие	Чаепитие	Чаепитие
Травяной настой	Травяной настой	–	–
–	<i>вводное слово</i> (прост.). пожалуй, по-видимому; вероятно.	Вводное (<i>вероятно,</i> <i>по-видимому</i>)	Вводное для выражения предположения, допущения (<i>вероятно,</i> <i>по-видимому</i>)
–	–	–	Употребляется для подчёркивания достоверности высказывания в

			значении <i>всё-таки</i> , <i>ведь</i>
--	--	--	---

Обобщая результаты, отметим, что в большинстве русских словарей слово «чай» имеет четыре основных значения: 1) растение; 2) высушенные листья этого растения; 3) напиток; 4) чаепитие. В некоторых словарях в качестве самостоятельных значений или как оттенки значения выделяются: лечебный напиток, настоянный на травах, суррогат чайного напитка, вечер, банкет. В других словарях есть переносное значение: для выражения предположения, допущения (*вероятно, по-видимому*), употребляющееся для подчёркивания достоверности высказывания в значении *всё-таки, ведь*.

Следует отметить, что в «Русско-китайском словаре» 2001 года лексема «чай» также представлена в четырех значениях: «чайное дерево (teatree 茶树 chá shù), высушенные листья этого растения (tea;tea-leaf 茶叶 chá yè), напиток (茶水 chá shuǐ), чаепитие (喝茶 hē chá)». В «Толковом словаре современного китайского языка» 2003 года представлен несколько иной семантический объем слова «cha», соответствующего русской лексеме «чай». В качестве подтверждения приводится словарная статья из этого словаря (в сокращении):

«Чай. 1. Вечнозеленое растение с листьями в форме длинных эллипсоидов, с белыми цветами и зернами, имеющими твердую скорлупу.

2. Напиток, который приготовлен из чайных листьев. *Пить чай.*

3. Подарок невесте при помолвке (в настоящее время традиция сохранилась лишь в некоторых местах. Приведем близкие по значению

словосочетания: 三茶六礼(sān chá liù lǐ) – три чая и шесть церемоний; 受茶(shòuchá) – принимать [невесте] свадебные подарки (*среди которых обычно был чай*); 茶红(cháhóng) – чай красный (подарок на помолвку, также называемый “下茶”(xià chá) – «на чай» или “茶定”(chá dìng) – «чайный набор»)).

4. Чайный цветок, или камелия: *камелия японская*.

5. Темно-бурый цвет. *Дымчатый топаз*.

6. Чайное масло, или масло из семян чайного дерева: *камелия масличная*.

7. Название некоторых напитков: *чай с молоком, фруктовый чай*

Таким образом, смысловое значение «cha» в китайском языке шире, чем в русском. В китайском слове «cha» выделяется несколько значений, связанных с чаем-растением (1, 4, 6 в то время, как в толковых словарях русского языка выделяется лишь одно такое значение. Обращает на себя внимание тот факт, что в русских словарях нет единого определения для чайного растения, то есть для этого значения используются слова «растение», «куст», «дерево», «деревцо» (словарь В.И. Даля); «вечнозеленое растение» (словарь Д.Н. Ушакова), «культивируемое вечнозеленое растение» (словарь С.И. Ожегова), «вечнозеленое дерево» (словарь С.А. Кузнецова). Хотя современное культивируемое в Китае чайное растение имеет форму кустарника, название «чайное дерево» (teatree 茶树 chá shù) сохранилось, стало устойчивым в языке, всегда отражался в китайском словаре.

Обращаясь к интерпретации первого значения слова «чай», следует указать, что чайное растение в китайских словарях подробно описано: указываются размер и форма листьев, размер цветов и особенности зерен. Также особое внимание китайской традиции уделяется культурной ценности этого растения. «Чайное растение» представлено и в русских словарях, но в русских словарях, в отличие от китайских, не представлены точные его понятия, его функциональная значимость. С позиции страноведения, отметим, что во многих местах Китая (особенно юго-западных) с давних времен и по сей день растёт чайное дерево, а в России растёт только в Краснодарском крае.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКА РУССКОГО ЧАЕПИТИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

2.1. Лексика русского чаепития в литературных произведениях

Литературное произведение в аспекте его изучения иностранцами рассматривается в ряде научно-учебных изданий последнего времени [Гореликова, Магомедова, 1989; «Художественный текст: Структура. Язык. Стилль», 1993; «Анализ художественного текста», 1997 и др.]. Актуальность лингвострановедческого аспекта интерпретации художественного текста убедительно обоснована в современных исследованиях: «Лингвострановедческие аспекты изучения художественных текстов», 1982. Разработаны теоретические аспекты, принципы лингвострановедческой методики в исследованиях Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова 1973, 1980; А.А. Брагиной 1986; Н.В. Кулибиной 1987 и многих других лингвистов.

Сопоставительное описание национально-культурной специфики слова значимо на фоне развития межкультурных и научных связей между Россией и Китаем. Особенно интересным нам представляется текстоцентрический подход к изучению лексики. Многие исследователи указали на то, что «семантика слова подвижна, ее объем и содержание зависит от контекста», в частности, об этом писала Н.Ю. Шведова. Именно в тексте слово обнаруживает свои семантические свойства, и именно в тексте приобретают

особую значимость его национально-культурные аспекты. Анализ с этой точки зрения литературных произведений позволяет выявить и описать лингвострановедческие объекты, принципиально необходимые и полезные как для учебной работы со студентами в Китае, так и для переводческой практики.

При чтении художественного текста иностранным читателем именно наличие культурных или страноведческих лакун, или отсутствие «базы» совместных знаний, приводит к неадекватному восприятию и даже непониманию текста. В пользу этого суждения можно привести мнение М.Л. Ларсон, автор считает, что «текст может быть абсолютно не понятен человеку, не знающему культуры носителей языка. Объяснением подобного явления может служить наличие ситуативного значения, которое, как указывает названный автор, включает в себя очень много подразумеваемой (не выраженной явно) информации» [Ларсон 1993, 59]. Ситуативное значение является одним из приведенных автором типов значений, раскрывающих имплицитную информацию. К возникновению ситуативного значения приводят такие аспекты ситуации, как «место и время общения, возраст, пол, социальное положение и настроение в то же время говорящего и слушающего, характер отношений между ними, пресуппозиции (предрасположения), которые каждый из них привносит в процесс общения, их культурный уровень» и др.» [Ларсон 1993, 32].

Итак, фоновая информация особенно актуальна для художественного текста, так как ее знание является необходимым условием для понимания атмосферы времени, ситуаций, характера героя, мотивов поведения персонажей, а также выявления подтекстового смысла. Отсутствие такого рода знаний затрудняет, обедняет или искажает восприятие текста.

Языковые единицы, выполняющие в тексте роль проективных показателей скрытой информации, нуждаются в лингвострановедческой семантизации, толковании фоновой информации, существенно влияющей на формирование образно-смыслового содержания произведения.

Безэквивалентная и фоновая лексика является потенциальным носителем разноплановой информации. По данным нашего материала, наблюдаются некоторые типы информации, значимой при чтении художественного текста, показателями разных типов информации могут служить соответственно разные группы слов с национально-культурной семантикой.

В России многие писатели и поэты (например, А.С. Пушкин, И.А. Бунин, А.П. Чехов, И.С. Тургенев, М.И. Цветаева, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов,) не раз описали атмосферу и обстановку, связанную с чаепитием в русской жизни. Можно сделать вывод, читая произведения русской классической литературы, что «чай, чаепитие» является важнейшей составляющей повседневной жизни русского человека.

Чаепитие представляет собой не только национальную церемонию, культурную традицию, правила этикета, определенную речевую ситуацию, речевое поведение, но и понятие «чайного стола», где совмещаются «слова и вещи», ими обозначаемые – чайные принадлежности: чайная пара, чай в подстаканниках, щипчики, самовар и т.д. В соответствии с этим лексика «русского чаепития», по нашему мнению, подразделяется на несколько тематических групп, важнейшими из которых являются следующие:

1. Группа с основой «чай-».
2. Группа со значением «посуда».
3. Группа со значением «угощение».

2.1.1. Группа слов с основой «чай-»

В «Толковом словаре русского языка», составленном С.И. Ожеговым, имеется большое количество слов с основой «чай-», например: *чаёвник, чаёвничать, чаевод, чаеводство, чаевые, чаепитие, чаеразвесочный, чаоторговля, чаеупаковочный, чаинка, чайная, чайник, чайница, чайничать, чайный, чайхана* [Ожегов 2017, 702]. В соответствии с их семантикой, производные от «чай-» можно классифицировать определенным образом. Для китайской аудитории, изучающей русский язык, важным является и переводная часть. При этом в первой колонке таблицы указывается тематическое основание: предмет, действие,

Таблица

Значение		Слово	Китайский перевод
основное	Предмет и его свойства	чайный	茶[的]; 茶叶[的]
		чаеразвесочный	茶叶分称包装的
		чаеупаковочный	包装茶叶的
		чаинка	一小片茶叶
		чайник	茶壶
		чайница	茶叶罐, 茶叶筒
		чайная	茶馆
		чайхана	(中亚的)茶馆
	действие	чаепитие	喝茶
		чаёвничать чайничать почаёвничать чаёвничанье	喝茶消遣
			茶叶贸易
	лицо	чаёвник чаёвница	爱喝茶者
		чаевод	茶树栽培家
	отрасль	чаеводство чаеоторговля	茶树栽培, 种茶业
		производное	чаевые

Многие из этих слов используются в русских художественных произведениях. Примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

«Началось *чаепитие*, сдобренное штофом, из которого было налито по доброй порции хозяину и хозяйке» [А.П. Чехов. В гостях у дедушки и бабушки (1912)].

«Да, он не велел ей пить *чай*, потому что и без того расходы большие, и она пила только горячую воду» [А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)].

«В крошечной комнатке перед спальней, в так называемой у них маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у них тоже маленькая, намаленьком нарядном диванчике, за маленьким *чайным* столиком, в какой-то полувоздушной утренней распашоночке сидела Елена Ивановна и из маленькой чашечки...» [Ф.М. Достоевский. Крокодил (1865)].

«Прикопилось у меня на книжке к февралю рублей восемьдесят, потому что очень хорошо шли *чаевые*»... «*Чаявых* не брать, а пусть платят со счета в кассу» [И. С. Шмелев. Человек из ресторана (1911)].

Во всем мире, и в России, и в Китае, в том числе и китайским учащимся, обучающимся русскому языку как иностранному, известно понятие «чаевые» – дополнительная плата, «сумма денег, добровольно выдаваемых обслуживающему персоналу гостиниц, заведений общественного питания, парикмахерам, таксистам и т. п. сверх платы по счёту, т.е. «*на чай*». Чаевые выплачиваются согласно традиции и составляют значительную (а иногда и основную) часть дохода персонала» [Энциклопедия URL].

Однако при переводе на китайский язык слово «чаевые» 小费 (xiao fei «мелкая стоимость») следует специально пояснять, поскольку в языке Поднебесной указанный тип дополнительной оплаты с чаем не связан. Более того, в Китае вообще не принято давать обслуживающему дополнительную плату. Напротив, в русском языке такая традиция, как, впрочем, и в других

европейских странах, существует. В аспекте обучения речевому этикету это обстоятельство следует рассматривать особо. Важно, на наш взгляд, подчеркнуть и лингвострановедческую характеристику данного слова «чаевые»: очевидно, что «чай» играет важную роль в повседневной жизни русских.

Интересна этимология русского «чай» и английского «tea». Так, известно, что оба слова восходят «к китайскому 茶 «чай»; сев.-кит. вариант *chā, cha*; южнокит. вариант произношения *tē*. В ряде индо-иранских и тюркских языков заимствован сев.-кит. вариант; ср.: турецк. *çay*, крым.-тат., тат., кирг., алт. *čaj* «чай», уйг. *ча*, монг. *čaj*; отсюда - русск., болг., укр., белор. *чай*, сербск. *čaj*, чешск., словацк., словенск. *čaj*, греч. *τσάι*. В то же время южнокит. вариант произношения 茶 (*tē*) послужил источником зап.-европ. названиям чая - франц. *thé*, итал. *tè*, исп. *té*, англ. *tea*, нем. *Tee*, нидерл. *thee*, норв. *te* и др.» [Энциклопедия URL].

Обратимся к произведениям русской классической литературы, прежде всего к произведениям Александра Сергеевича Пушкина, которого знают и любят в Китае. Прочитав произведения А.С. Пушкина, мы обнаружили, что в его художественных текстах описания чаепития встречаются достаточно часто. Так, в романе «Евгений Онегин» - 7 раз (Глава II: XII, XXXIV; Глава III: XXXIII, XXXVII; Глава V: XXXVI, XXXVII-XXXVIII-XXXIX; Глава VIII: XXV) описываются ситуации с чаепитием.

Приведем только один пример, отрывок, из романа в стихах А.С. Пушкина (Глава III. Строфа XXXVII), который стал в последнее время очень популярным, благодаря телевизионной рекламе (майского) чая. Ср.:

«Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал»

[Пушкин 1999: 70].

Подчеркнем, что в телевизионной рекламе опущены две пушкинские строки: *«Под ним клубился легкий пар. Разлитый Ольгиной рукою»*, что связано, по-видимому, с особенностями рекламного жанра.

Как мы уже отмечали, А.С. Пушкин хорошо известен в Китае, поэтому существует переводческая традиция интерпретации его произведений. В этой связи, наиболее, на наш взгляд, интересны переводы последнего времени: Фэн Чуня (2013 г.), Чжиляна (2013 г.) и Ча Лянчжэна (1983 г.).

Выделим несколько существующих вариантов перевода указанной выше строфы.

Вариант А: 黄昏来临，烧晚茶的茶炊，在桌上闪光，滋滋作响，热着“中国茶壶”里的茶水，轻轻的水汽在它下面飘荡 [Фэн Чунь (冯春), 2013: 139,140].

Вариант Б: 天色已转暗，晚茶的茶炊，闪闪发亮，在桌上滋滋响，它烧沸了“瓷壶”里的茶水；薄薄的水雾在四周飞扬 [Чжилян (智量), 2013: 161,162].

Вариант В: 天已昏黑。在桌上，闪闪的，黄昏的茶炊在缓缓燃烧，“瓷制茶壶”滋滋冒着气，轻飘的水雾在壶边缭绕 [Ча Лянчжэн (查良铮), 1983: 35].

В аспекте лингвострановедения важно отметить такую особенность перевода на китайский язык – при переводе, оказывается, очень сложно дать адекватный вариант словосочетания «китайский чайник».

Конечно, основной вариант перевода – «китайский чайник» как “中国茶壶” «чайник из Китая». Именно такое переводческое решение встречаем у Фэн Чуня (中国的茶壶). У Чжиляня другой вариант – 瓷壶 «фарфоровый чайник», У Ча Лянчжэна несколько иной грамматический подход: 瓷制茶壶 «чайник из фарфора». Отметим, что в Китае, в целом, существует 15 переводов «Евгения Онегина», при этом большинство переводчиков предпочитает перевести «китайский чайник» как 瓷壶 «фарфоровый чайник». Почему же такой, казалось бы, простой текст вызывает столько вопросов?

Прежде всего, о слове «фарфор». В русский язык слово вошло в Петровскую эпоху из польского, в свою очередь – «из турецкого *farfur* <

перс. *faʃfūr* «фарфор» < «название области в Китае» (где делали фарфор) < «китайский император», словообразоват. кальки китайск. *tien-tse* «сын неба» [Шанский URL].

В английском языке есть несколько слов со значением «фарфор»: «*porcelain*» и «*china*». Так в чем разница между ними? Есть версия, что термины обозначают соответственно «европейский фарфор» и «восточный фарфор».

В английском языке «*china*» обозначает 瓷器 «фарфор», что закономерно объясняется историей открытия китайского фарфора в Европе, при этом название страны Китай (*China*) и стало названием фарфора. «Фарфор впервые был получен в 620 году в Китае. Способ его изготовления долго хранился в секрете и лишь в 1708 году саксонским экспериментаторам Чирнгаузу и Бёттгеру удалось получить европейский фарфор (мейсен)» [Энциклопедия URL]. В 1744 году в Санкт-Петербурге был создан Императорский фарфоровый завод - один из известнейших в Европе, первое и одно из крупнейших в России предприятий по производству художественных фарфоровых изделий. «Чайник, простейшее приспособление для кипячения воды, вошел в быт в 30-е годы XVIII века ... Именно в эти годы европейский фарфор стал производиться массово при наличии на него постоянного и устойчивого спроса. В Вене начали копировать китайцев, выпуская фарфоровые чашки с ручками» [Иванов 2001, 153-154]. Таким образом, в европейских языках закрепились связь фарфора с

названием страны, поэтому «китайский чайник» воспринимался как чайник, который производится из фарфора.

Отметим, что, читая пушкинские строки по-китайски, китайские читатели считают «китайский чайник» просто «чайником из Китая» «中国茶壺», который может быть изготовлен из обычных, недорогих материалов. Обращает на себя внимание то, что в китайском варианте нет слова «китайский» в словосочетании «китайский чайник», то есть опущено прилагательное. Такой подход в переводческой практике объясняется тем, что в китайском языке название страны и название напитка могут совпадать, поэтому нет смысла употреблять дважды одно и то же слово. Здесь следует сказать, что в русском тексте «китайский чайник» означает нечто другое: это не просто «чайник из Китая». Чтобы ответить на вопрос о смысловом содержании словосочетания «китайский чайник» в русской литературе начала XIX века, обратимся к истории.

Как утверждают исследователи, в конце XVII века, когда чай стали импортировать в Европу, вместе с чаем пришел и заварочный чайник. Как правило, это был бело-синий фарфоровый чайник. Ценность такого «китайского чайника» была необыкновенно высокой, поскольку производства фарфора в Европе еще не было. В России заварочные чайники появляются только к середине XVIII века, хотя чай, в качестве лекарства, активно употреблялся уже с начала XVII века. «Переход чая из категории лекарственных средств, в категорию напитков, начинается уже в XVIII веке.

Российской послепетровской элите Китай, с его конфуцианством, казался неким идеальным обществом, которым управляет просвещённый император при помощи философов-подданных. Чай, как экзотический напиток из Поднебесной империи, прекрасно вписался в «модный тренд» того времени» [Соколов URL]. Вместе с чаем пришли и «чайные вещи», прежде всего заварочный, фарфоровый, чайник. Но в XVIII в. даже европейский фарфор, не говоря уже о китайском, был доступен только аристократии. В начале XIX века фарфоровые чайники становились уже предметом быта.

Таким образом, «китайский чайник» в приведенном выше отрывке символизирует яркое, праздничное настроение, которое царит за чайным столом. В китайском переводе это также должно получить отражение коннотации, свойственные другому языку.

В практике перевода художественного текста важными являются и переводоведческие методика, особенно, если речь идет о китайских традициях.

Что касается субстанции перевода, то на Западе есть две репрезентативные трактовки: во-первых, подчеркивает J.C. Catford, перевод как соответствующее преобразование языковых материалов. Это лингвистический подход. Во-вторых, существует также концепция перевода, связанная с функциональной школой Eugene Albert Nida, где разрабатывается трансформационная модель перевода, которая сосредоточивается на смысле [Сунь Вэньфан 孙文方, 2016, 1].

Если сравнить применение переводоведческих методик и приемов, используемых переводчиками с методиками перевода в «варианте А», то очевидно, что соответствующее преобразование языковых материалов присутствует у Фэн Чуня, а «вариант Б» и «В», скорее, соотносится с трансформационной моделью перевода.

В связи с выше сказанным, отметим, что в Китае стали появляться различные переводы одного и того же русского литературного произведения. Среди наиболее известных переводчиков назовем таких, как Сао Ин, Гао Ман, Ван Шисе, Ли Ган, Чэнь Дяньсин, Лю Вэньфэй, Лю Кайхуа и др. Особенность их переводных текстов заключается в том, что они стремятся как можно точнее передать на китайский язык русские фоновые коннотации, лингвострановедческие реалии, такие, например, как «китайский чайник» 瓷壺 «фарфоровый чайник». Подобный вариант, на наш взгляд, точнее отражает дополнительные коннотации, присутствующие в указанном выше в пушкинском произведении.

Термин «коннотация» изначально имел в лингвистике два разных смысла. С одной стороны, коннотациями называли «добавочные» (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, непосредственно включаемые в толкование слова. С другой стороны, этот термин употребляли и тогда, когда имели в виду характерную для определённой среды оценку вещи или иного объекта действительности, не входящую непосредственно в лексическое значение

слова. Неодинаковое толкование термина «коннотация» можно объяснить тем, что учёные рассматривают коннотации в оценочных характеристиках своей отрасли науки. Так, Л.С. Бархударов «определяет коннотацию в русле проблем переводоведения, ограничивая её лишь общественным восприятием языкового знака» [Бархударов 1975, 86]. Ю.Д. Апресян определяет коннотацию как «узаконенную в данном языке оценку объекта действительности, именем которого является данное слово» [Апресян 1995, 159]. Будучи частью значения слова, коннотации включают, прежде всего, те дополнительные значения, которые являются культурно-информативными. «Коннотации характеризуют основные значения слов. Чаще всего языковые проявления коннотаций реализуются в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определённых типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других» [Апресян 1995, 163]. Среди факторов, влияющих на формирование культурных коннотаций, китайский переводчик, профессор, признанный специалист в области преподавания русского языка в Китае, У Гохуа выделяет:

- 1) роль, которую играло или играет данное слово-реалия в жизни народа;

- 2) роль, которую слово-реалия играет в религиозной мифологии и фольклоре;

3) свойства, присущие самим словам-реалиям [У Гохуа (吴国华) 1994, 47].

Кроме этого можно назвать также «тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности, традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст её существования, этимологию или «этимологическую память слова» и другие внешние по отношению к её непосредственной жизни в языке факторы» [Апресян 1995, 170].

Обратимся к другим языковым фактам, засвидетельствованным в пушкинских произведениях. Кроме вышеуказанного «*китайский чайник*» в произведении А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в стихотворных строках также встречаем слово «чай». Ср.: «Она зари не замечает... Уж ей Филиппевна седая, приносит на подносе *чай*» [Пушкин 1999, 68]. В этом случае мы также видим различные варианты перевода слова «чай» на китайский язык. Ср.: 早茶 [Фэн Чунь (冯春) 2013, 136], 红茶 [Чжилян (智量) 2013, 157].

У Фэн Чуня перевод слова «чай» дан как 早茶, т.е. «утренний чай», а Чжилян перевел его как 红茶 «чёрный чай». Перевод у Фэн Чуня, по нашему мнению, более корректно сочетается с контекстом, потому что Филиппевна приносит Татьяне чай именно утром. Чжилян перевел «чай» в соответствии с культурными традициями дворянского общества того времени, потому что русские обожают чёрный чай. На это обратил внимание Ю.Г. Иванов:

«Чёрный чай занимает 90% российского чайного рынка» [Иванов 2001, 126]. Н.П. Ивашкевич и Л.Н. Засурина отмечают: «...Черный чай распространен в европейской части нашей страны. Черным его называют из-за цвета готовой продукции. Такой чай дает интенсивный настой и имеет терпкий вкус, поэтому пользуется самой большой популярностью» [Ивашкевич, Засурина 1990, 26].

2.1.2. Группа слов со значением «посуда»

«Чай – изысканный напиток, а для приготовления такого напитка необходима соответствующая посуда. Ее можно подразделить на посуду и приборы для кипячения воды, посуду для заварки и посуду для употребления чая» [Иванов 2001, 153].

Китайская чайная сервировка насчитывала довольно большое число самых разных предметов: чайник для заваривания, чайный кувшин Ча-Хай, котёл с нагретой до необходимой температуры водой, высокая узкая чашка Сян-Бэй и низкая широкая Пин-Бэй, плоская фарфоровая подставка, небольшой лоскут мягкой льняной материи темного цвета для вытирания пролившихся по посуде чайных капель, чайная коробочка Ча-Хэ, фарфоровая ложка, бамбуковая ложка, широкий деревянный поднос Ча-Пань и т.д. В России на протяжении XVIII-XIV веков появляется список некоторых самобытных приборов и приспособлений, составивших особенность русского

чаепития: самовар, блюдце, подстаканник, ситечко, подносы и полоскательница для чашек (бытовала с XVIII века), чайная скатерть, щипцы и щипчики для колки сахара, стаканы с подстаканниками разных форм из фарфора, стекла, хрусталя, вазочки для десерта и т.д. «В романе А.В. Амфитеатрова «Паутина» (1913) описана одна из хорошо знакомых многим моделей вазочки для десертов на одной ножке, которая с успехом используется до сих пор: «...со стороны зала тем временем, протискалась с чайным подносом, на котором возвышались два стакана и две стеклянные вазочки на тонких ножках для варенья и для печенья, та самая неприглядная Марфутка или Михрютка...» [Басманова 2016, 108].

В Китае «самовар» считается русским национальным прибором при чаепитии. «Самовар – плод коллективного творчества русских умельцев, которые смогли переосмыслить и воплотить в этом шедевре народной технической мысли достижения разных национальных культур» [Басманова, 2016, 172]. Он всегда был основой чаепития в России, иногда и самым ценным имуществом в семье, особенно в крестьянской или рабочей. С ним расставались только при крайней нужде. У старшего поколения и сейчас сохранилось уважительное и бережное отношение к самовару, несмотря на то, что он практически вышел из повседневного употребления. Самовар нельзя отнести просто к бытовым приборам. В некоторых случаях он являлся предметом прикладного искусства, украшал быт. Во многих русских литературных произведениях описываются ситуации, связанные с самоваром.

В произведении «Евгений Онегин» слово «самовар» по отдельности появляется в главах II и III: «Зовут соседа к *самовару*, А Дуня разливает чай» [Пушкин 1999, 36]; «Смеркалось, на столе, блистая, шипел вечерний *самовар*» [Пушкин 1999, 70].

Китайские переводчики Чжилян и Фэн Чунь перевели «самовар» как 茶炊 (cha chui). Людям, незнающим русскую культуру, традиции и русский язык, трудно понять, что значит 茶炊, потому что его буквальное толкование имеет широкий диапазон – «кухонная чайная посуда». Обратимся к китайскому словарю: «茶炊-茶汤壶。一种金属制，有两层壁，四围灌水，在中间着火的烧水壶。亦泛指烧水壶。」[新华字典 (онлайн-словарь Синьхуа)], что в переводе значит «металлический чайник с двумя стенами, наполненными водой и обжитыми посередине, также относится к чайнику». Сравнием с «Большим толковым словарем русского языка» (БТС), где «самовар» толкуется как «металлический сосуд для кипячения воды с краном и внутренней топкой в виде высокой трубки или с электрическим нагревателем» [Кузнецов 2001, 1142].

После этого носителям китайского языка становится понятно, что такое самовар, каков его способ употребления и функция. Поэтому такую безэквивалентную лексику стоит изучить в межкультурной коммуникации. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров характеризуют безэквивалентную лексику следующим образом: «...Иногда план содержания русского слова или номинативного словосочетания невозможно сопоставить с каким-либо

иноязычным лексическим понятием..., так что их нельзя семантизировать с помощью простого перевода. Эти слова называются безэквивалентными, и все они отражают типично отечественную действительность, то есть именно их лексическим понятиям присущ своеобразный специфический культурный компонент» [Верещагин, Костомаров 1978, 73].

Кроме этого ещё следует отметить, что словосочетание «китайский самовар» на основе слова «самовар» не обозначает посуду, связанную с чаем, а имеет совсем другое значение: 火锅 (金属或陶瓷制成的用具, 锅中央有炉膛, 置炭火, 使菜保持相当热度, 或使锅中的汤经常沸腾, 把肉片或蔬菜等放在汤里, 随煮随吃。也有用酒精、石油液化气等做燃料的。用电加热的叫电火锅。)[新华字典 (онлайн-словарь Синьхуа)], что в переводе значит «посуда из металла или керамики, имеющая очаг в центре горшка, где разводится огонь, чтобы держать блюдо достаточно горячим или чтобы суп в кастрюле не переставал кипеть, куда кладутся мясо или овощи. В качестве топлива для него могут использоваться уголь, спирт, сжиженный нефтяной газ и т. д.». В буквальном переводе 火锅 (huo guo - Хого) обозначает «огненный котёл». Таким образом, хотя по конфигурации и функции 火锅 «китайский самовар» и «русский самовар» похожи, но их назначение не совпадает. Эти слова, по своей сути, безэквивалентная лексика. Поэтому китайцы, изучающие русский язык и разбирающиеся в различных лингвострановедческих понятиях, могут овладеть языком на более высоком уровне.

Не только в романе «Евгений Онегин», но и во многих других произведениях А.С. Пушкина встречается «самовар» (нами была совершена выборка из материалов интернет-ресурса НКРЯ: Национальный корпус русского языка): «Она принесла *самовар*, и за чашкою чая только было принялась за рассказы о дворе, как вдруг...»; «В эту минуту хозяин вошел с кипящим *самоваром*; я предложил водителю нашему чашку чаю; мужик слез с полатей» [Пушкин. Капитанская дочка]; «Адриан обошел жилище, сел у окошка и приказал готовить *самовар*... Наконец открыл глаза и увидел работницу, раздувающую *самовар*» [Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина/ Гробовщик]; «Подали *самовар*, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала» [Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Метель]; «Поставь *самовар* да сходи за сливками» [Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Станционный смотритель]. «Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: *самовар* был бы важным нововведением» [Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года]. «В 9 часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиной, где кипел уже *самовар*, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кирилловна, а Кирилла Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную» [Пушкин. Дубровский].

2.1.3. Группа слов со значением «угощение»

Данная группа слов имеет особое значение, так как «чай «просто так, ни с чем» обычно в России не пьют. К чаю всегда что-нибудь подается» [Бесценная 1996, 66]. В связи с этим в русских литературных произведениях при описании русского чайного застолья можно встретить огромное количество вариантов добавок к чаепитию. И наоборот, в Китае пьют чай без еды, по мнению китайцев, главное в процессе чаепития – наслаждаться свежестью и ароматом чая. Поэтому при изучении русского языка необходимо изучать лингвострановедческие реалии, чтобы лучше понимать русский менталитет и русскую литературу.

С чем пить чай в России? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно. Всё зависит от вкуса, климатических условий, времени года, привычек и обычаев. В здоровой, дружной семье со временем вырабатываются одинаковые привычки.

Для того, чтобы выявить наиболее популярные угощения к чаю, встречающиеся в произведениях русской литературы различных периодов, нами была произведена последовательная выборка из материалов НКРЯ. Также мы обращались к энциклопедическим работам Ю.Г. Иванова, Н.П. Ивашкевич, Л.Н. Засурина, где нами были найдены также некоторые слова со значением «угощение»: *сахар, варенье, мёд, ром, лимон, фрукты, ягоды, мучные изделия (хлеб, пирожные, булочки, печенье и т.д.), молоко, молочные продукты (сливки, сметана)* и т.д.

Сахар:

«Ну, иду... Спасибо за чай-*сахар*, за ласку... Ложась на постель матери, он бормотал, почесывая голову» [Максим Горький. Мать]; «Хотел было без сахару пить, начал опять извиняться, когда я стал уверять его, что нужно взять *сахару*, долго спорил, отказываясь, наконец положил в свой стакан самый маленький кусочек и стал уверять, что чай необыкновенно сладок» [Ф.М. Достоевский. Бедные люди]; «Заметив у меня сверток с чаем и *сахаром*, он тотчас же предложил свои услуги: достать чайник и заварить мне чаю» [Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома].

Варенье:

«Затем в раздумье прошел в свою каюту, приказал Тимошке подавать чай, достать кексов и *варенья* и пригласить к чаю только что освобожденного из-под ареста «гардемарина с улыбкой» [К.М. Станюкович. Непонятый сигнал]; «В буфетной кипел ведерный самовар: старик-буфетчик волновался, ссорился с Агафьей Петровной, шипел и замахивался серебряной ложкой на Устю, накладывая граненые вазы *вареньем*, наливал стаканы черным чаем и посылал подносы в гостиную» [И.А. Бунин. Святые].

Мёд:

«Вместе с чаем подали нам котлеты, яйца всмятку, масло, *мед*, сыр и пр.» [И.С. Тургенев. Бурмистр]; «Петр Михайлыч даже чай пил не с сахаром, а с *медом*, и в четверг перед последним ефимоном, чопорно одетый в серый

демикотоновый сюртук и старомодную с брыжами манишку, он сидел в своем кабинете и ожидал благовеста» [А.Ф. Писемский. Тысяча душ].

Ром:

«Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою *рома*»; «Ноздрев захлебнув куражу в двух чашках чаю, конечно не без *рома*, врал немилосердно» [Н.В. Гоголь. Мертвые души]; «Только ты один умеешь меня выводить из терпения... знаешь, что я всегда пью чай в походе с *ромом*» [Л.Н. Толстой. Два гусара].

Лимон:

«На полке шкафа лежали у него вместе чай, сахар, *лимон*, серебро, тут же вакса, щетки и мыло» [И.А. Гончаров. Обломов]; «Все эти господа пускают изо рта страшные тучи дыма и пьют чай в стаканах с *лимоном*» [И.И. Панаев. Белая горячка].

Фрукты:

«Чай, мороженный пунш, оршад, лимонад, конфекты, бисквиты, варенья, *фрукты* уже во второй раз совершают на великолепных подносах вкусное и благовонное путешествие свое по залам» [О.И. Сенковский. Вся женская жизнь в нескольких часах]; «После венца у новобрачных, по петербургскому обычаю, был только чай с мороженым и *фруктами* для близких знакомых, которые, выпив по несколько задравных бокалов, поспешили разъехаться» [А.Ф. Писемский. Тысяча душ].

Ягоды:

«В пять часов пили чай, ели простоквашу, *ягоды* и варенец» [Н.А. Тэффи. Антей]; «Она подала и сливок к чаю и *ягод*, а на ужин состряпала такие пельмени, что язык проглотишь» [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото].

Хлеб:

«Добрая панна Магдалена присылала мне тайком чаю и белого *хлеба*» [Т.Г. Шевченко. Варнак]; «Мари тотчас встала, спросила себе чаю с белым *хлебom* и потом начала одеваться» [А.Ф. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына].

Молоко:

«На лежанке сидела Танька, около нее Павел Антоныч. Оба пили чай с *молоком*» [И. А. Бунин. Танька]; «Печка истопилась, согрелась, чай был заварен и разлит по стаканам и кружкам и забелен *молоком*, были выложены баранки, свежий ситный и пшеничный хлеб, крутые яйца, масло и телячья голова и ножки» [Л.Н. Толстой. Воскресение].

В «Евгении Онегине» есть также стихотворные строки, где упоминаются различные угощения: «Обрадован музыки громом, Оставя чашку чаю с *ромом*» [Пушкин 1999, 114]; «Тут был на эпиграммы падкий, На всё сердитый господин: На чай хозяйский слишком *сладкий*» [Пушкин 1999,176]; «Уже душистый чай бежал, И *сливки* мальчик подавал» [Пушкин 1999, 70]. По мнению исследователей, классическим образцом русского чаепития является «пушкинское описание вечернего чая» [Бесценная 1996, 70]. Атмосфера «пушкинского чаепития», передающая чувство уюта, покоя, постоянства,

счастливой семейной близости стала «сквозным мотивом» русской литературы. Эта часть является хорошим примером, подтверждающим это.

Еще раз процитируем знаменитые пушкинские строки:

«Смеркалось, на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Над ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою
По чашкам темною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал»

[Пушкин 1999,70].

Используя эти прелестные пушкинские строки из романа в стихах «Евгений Онегин», реклама «Майского чая» рассказывает нам о радости семейного чаепития и вдохновении. Она гласит: «Майский – не только чай для гостеприимных людей с семейными ценностями, но и для тех, которым важны вековые традиции и наследие великой России» [Википедия URL]. Стоит отметить, что атмосфера русского чайного застолья – всегда веселая, радостная и гармоничная.

2.2. Чайный этикет и речевое поведение

«Приглашение на чай имеет многовековую традицию. В XVII-XIX веках в некоторых странах определилось даже время приглашения на чай, например, в Англии только в 17:00, в России – между 12-13 часами» [Иванов 2001, 427]. Э.Б. Басманова в своей книге «Пейте чай, мой друг старинный...» описала чайный этикет у разных сословий в России в XIX – начале XX века: дворянского, купеческого, рабочего, крестьянского, барского, чиновничьего, духовенства, мещанства, и т.д. Хотя среди разных сословий русского общества существовали свои правила и обычаи чаепития, а также разный чайный этикет, мы нашли одну общую черту – чайный этикет как речевое поведение в жизни русских.

В отрывке из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», написанной Н.В. Гоголем, мы можем проследить характерные черты русского чайного этикета, который играет важную роль в речевом поведении. В данной повести Иван Иванович Перепенко (помещик) появляется в суде с намерением пожаловаться на Ивана Никифоровича Довгочхуна (сосед Иван Ивановича, тоже помещик). Его принимает судья. В преддверии важного разговора следует миргородская чайная церемония по всем правилам местного этикета:

- «Чем прикажете потчевать вас, Иван Иванович? - спросил он. - Не прикажете ли чашку чаю?
- Нет, весьма благодарю, - отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.
- Сделайте милость, одну чашечку! - повторил судья.

- Нет, благодарю. Весьма доволен гостеприимством, - отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

- Одну чашку, - повторил судья.

- Нет, не беспокойтесь, Демьян Демьянович (судья)!

При этом Иван Иванович поклонился и сел.

- Чашечку?

- Уж так и быть, разве чашечку! - произнес Иван Иванович и протянул руку к подносу.

Господи боже! Какая бездна тонкости бывает у человека! Нельзя рассказать, какое приятное впечатление производят такие поступки!

- Не прикажете ли ещё чашечку?

- Покорно благодарствую, - отвечал Иван Иванович, ставя на поднос опрокинутую чашку и кланяясь.

- Сделайте одолжение, Иван Иванович!

- Не могу. Весьма благодарен.

При этом Иван Иванович поклонился и сел.

- Иван Иванович! Сделайте дружбу, одну чашечку!

- Нет, весьма обязан за угощение.

Сказавши это, Иван Иванович поклонился и сел.

- Только чашечку! Одну чашечку!

Иван Иванович протянул руку к подносу и взял чашку.

Фу ты пропасть! Как может, как найдется человек поддержать свое достоинство!» [Гоголь 1994, 38].

Следует отметить, что Иван Иванович, выпив чаю, ставит на поднос опрокинутую чашку, что обозначало окончание чаепития. Впоследствии такая традиция сохранилась среди купечества, мещан, крестьян и рабочих людей. «Ставить на поднос опрокинутую чашку» – чайный этикет в данном тексте обозначает определённое речевое поведение, то есть в данный момент Иван Иванович уже хочет побыстрее закончить чаепитие и перейти к теме настоящего разговора. Хотя не прямо сказал, а таким действием выразил свою мысль. С другой стороны, это свидетельство того, что чаепитие способствует приятному развитию отношений между людьми.

В повседневной жизни, когда люди хотят поболтать с кем-то или пригласить кого-то в гости, часто слышим: *«Пожалуйста кушать чай! Вместе чай пить. Пить чай. Пригласить на чашку чая. За чаем. Позвать к чаю. Ты, чай, не придёшь? Беседовать за чаем. Звать, приглашать на чай. Рассказать новости за чаепитием.»*. Очевидно, чаепитие уже как часть речевого поведения приглашения существует в жизни русских.

И в России, и в Китае, конечно, существует деловое чаепитие, которое играет важную роль в деловой беседе. И деловое чаепитие устраивают аналогично чайному приему, но в более официальных рамках. «При деловой беседе стол накрывают строго, используя минимум убранства. Чашки с чаем и скромное угощение можно принести на подносе вместе с приборами общего

пользования. Если участники не возражают, можно подать чай крепкого настоя. Большое количество воды в таких случаях, как правило, не употребляют. Обстановка хорошо организованного делового чаепития и скромный чайный этикет позволяют добиться большего сплочения присутствующих, раскованности и откровенности» [Иванов 2001, 433].

В китайской культуре также существуют многочисленные пословицы, поговорки и фразеологизмы со словом «чай», отражающие речевое поведение. Среди них те, которые переведены на русский язык впервые. При переводе, который мы осуществили, мы старались учесть как собственно лингвистические, так и лингвострановедческие особенности. Ср.:

1. 茶好客自来。

Гость сам придёт из-за хорошего чая.

2. 清茶一杯，亲密无间。

Стать близкими после одной чашки чая.

3. 清茶一杯在手，能解疾病与忧愁。

Чашка чая в руке может устранить болезни и печаль.

4. 宁可三日无盐，不可一日无茶。

Лучше уж не иметь соли три дня, чем не иметь чашки чая один день.

5. 好茶不怕细品，好事不怕细论。

Хороший чай не боится тщательной дегустации, приятное дело не боится подробного обсуждения.

6. 茶逢知己千杯少，壶中并抛一片心。

При встрече с близким другом и тысячи чашек чая мало, потому что в чайник сливается искреннее сердце обоих.

7. 君子之交淡如水，茶人之交醇如茶。

Дружба благородных людей бледна, как вода, а дружба чаевников крепка, как чай.

Известно, что китайские стихотворения также имеют большое количество сцен, в которых описываются чай и чаепитие. Приведем одно, где описывается ситуация общения при чаепитии. Речь идет об одном известном в Китае произведении «Чай», написанном поэтом Юань Чэнем (元稹(779 -831 гг.), династия Тан (唐代 618-907 гг.). Форма данного стихотворения необычна, она напоминает пирамиду, которая начинается с одного иероглифа и завершается семью иероглифами. Здесь описываются эстетические воззрения.

茶，

香叶，嫩芽。

慕诗客，爱僧家。

碾雕白玉，罗织红纱。

铫煎黄蕊色，碗转麴尘花。

夜后邀陪明月，晨前命对朝霞。

洗尽古今人不倦，将知醉后岂堪夸。

[Ван Лин (王玲) 2009,177]

Подчеркнем, что это стихотворение переведено на русский язык впервые. Перевод наш.

Чай,

Ароматные листья, молодые почки.

Обожает стихотворец, любит монах.

Растирать чайные листья ступкой из белого нефрита,

сортировать их ситом из красной пряжи.

Подсушивать на таганке, чтобы чай приобрёл жёлтый цвет,

потом устранить всплытие накипи в чашке.

Ночью луна в обществе чая также встретит утреннюю зарю.

Разговаривая о чае, и старые, и молодые становятся бодрее,

Чай способен отрезвлять.

Таким образом, чай, несомненно, происходящий из Китая, становится своеобразным культурным стилем, традицией, связующей китайский народ во времени - прошлое и настоящее, в пространстве – из четырёх океанов и пяти континентов. Чай не только историко-культурная традиция, но и живая речевая коммуникация, имеющая особое значение в повседневной жизни.

2.3. Лингвострановедческий эксперимент в китайской аудитории

2.3.1. Речевая ситуация «Чаепитие» как предмет обучения в китайской аудитории

Цель данного эксперимента состоит в том, чтобы представить вариант экспериментального обучения, направленного на формирование лингвострановедческой компетенции у китайских студентов на материале речевой ситуации «чаепитие».

За многие годы методической практики обучения русскому языку методистами, исследователями лингводидактики накоплен большой опыт в разработке тематики занятий по разговорной практике. Со временем темы, связанные с особенностями национальной трапезы, стали относиться к актуальным темам в обучении лексике и развитии речи иностранных студентов. Эти темы представлены во многих учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному: Васильева Г.М., «Россию умом не понять», СПб., 2001; Бесценная Ф.Д. «Живая душа калачика просит» СПб., 1996; Воробьев В.В. и др. «Москва... Россия... речи и образы». М., 2002; Римская-Корсакова Н.Н., Залманова Г.С., Григорьев Е.Б., Дин Шуци, «Восток» (8 выпусков). Пекин, 1996 (для обучения русскому языку студентов факультета русского языка в Китае); Тань Линь. «Лингвострановедение», 1997 (для китайских студентов продвинутого этапа).

Однако в перечисленные учебники не включены специальные темы и разделы, эксплицирующие содержательные аспекты «чаепития» в русском

лингвострановедении. А в учебниках русского языка, рассчитанных на китайских студентов, находящихся на продвинутом уровне обучения, не представлены особенности русско-китайской чайной культуры. Поэтому «чаепитие» с позиции лингвострановедения как предмет обучения русскому языку относится к актуальным в китайской аудитории.

2.3.2. Обучающий эксперимент, направленный на выявление уровня знаний лингвострановедческого характера

С целью определения общего и специфичного в русской и китайской чайной культуре и сопоставления соответствующих знаний у русских и китайских студентов, а также выявления их отношения к своей и иной чайной традиции был проведен специальный опрос среди русских и китайских студентов. В этом опросе участвовало 10 китайских и 10 русских студентов ТюмГУ (Тюменского Государственного Университета).

Ниже приведены материалы опроса и ответы от российских и китайских студентов:

1. Когда в Россию чай впервые попал?

А) 700 лет назад Б) 500 лет назад В) 300 лет назад Г) 100 лет назад

Ответы:

	Ответ русских студентов	Ответ китайских студентов

А	2	2
Б	6	4
В	2	3
Г	нет	1

2. Перечислите основные виды русской чайной посуды?

Ответы:

Ответ русских студентов	Ответ китайских студентов
самовар, чашка, блюдце, чайник, чайная ложка, стакан, подстаканник	чашка, фарфоровый чайник, керамический чайник, тарелка, самовар

3. Какие добавки и закуски будут при чаепитии?

Ответы:

Ответ русских студентов	Ответ китайских студентов
сахар, лимон, сливки, варенье, молоко, ром,	сахар, лимон, молоко, салат, торт

салат, торт, хлеб, фрукты	
------------------------------	--

Результаты вышеуказанных упражнений:

1) 50% китайских студентов, участвующих в эксперименте, не совсем знают русскую чайную историю и культуру, в этой области русские студенты справились на 10% лучше китайских.

2) «Самовар», являющийся важной посудой в России не указан 30% китайских студентов, когда требовалось описать русскую чайную утварь. Некоторые национальные русские особенности чайной посуды вообще не известны китайским студентам: «блюдец, подстаканник, чайная ложка, стакан», потому что при чаепитии в Китае они совсем не используются.

3) Добавки и закуски при русском чаепитии мало знакомы китайским студентам. На их взгляд, «сахар, лимон, молоко, салат, торт» ещё хоть как-то возможно представить с чаем, а вот «сливки, варенье, ром, фрукты, хлеб» - практически невозможно.

4. Выберите из списка прилагательных слова, которые могут быть определениями к слову «чай». Составьте с ними предложения:

Горячий, крепкий, ароматный, постный, вкусный, медицинский, лечебный, остывший, овощной, фруктовый, сладкий, липовый, цветочный, утренний, кирпичный, слабительный, грудной, жидкий, вареный, душистый

5. Найдите определения для следующих слов и соедините их:

Чаинка	тот, кто занимается выращиванием чая
Чайник	любитель чая
Чайница	сосуд с ручкой и носиком для кипятят или заварки чая
Чаёвница	коробка для хранения сухого чая
Чайная	любительница чая
Чаевник	заведение, где можно пить чай.
Чаевод	сухой листик чайного дерева

Ответы:

	Прав. ответ		Неправ.ответ	
	кол.	%	кол.	%
чаинка	14	70	6	30
чайник	16	80	4	20
чайница	15	75	5	25
чаёвница	14	70	6	30
чайная	11	55	9	45
чаевник	15	75	5	25
чаевод	10	50	10	50

Результаты данных упражнений:

1) Словосочетаниями, включающими прилагательные с основой «чай-» «затруднительно владеют 60% китайских студентов. Так, им трудно найти различие между словами «*медицинский*» и «*лечебный*» чай. Показательно, что словарного запас у китайских в этом случае довольно ограничен, так как

некоторые слова студентам совсем не знакомы: «остывший, кирпичный, слабительный, липовый».

2) Не знакомы китайским студентам и многие лексические образования с основой «чай-», ср.: «чаевод, чаевник, чайнка, чайница».

6. Вставьте подходящие по смыслу глаголы в следующие предложения: заваривать, наливать, разливать, кипятить.

1. Лёля чай и принялась делиться новостями.

2. Я себе чаю и подняла глаза на мужа: «Леш, тебе чай или кофе?»

3. Большие и спокойные, глаза у оленя были такого цвета, как крепко ... чай.

4. И я вставал, ...воду в электрическом чайнике на столике за отвалом дивана.

Ответы:

	Прав. ответ		Неправ.ответ	
	кол.	%	кол.	%
1)	13	65	7	35
2)	14	70	4	30
3)	11	55	5	45
4)	14	70	6	30

Результаты проведенного лингвострановедческого эксперимента показали наличие ряда трудностей у китайских студентов, т.е., китайские студенты:

- не имеют достаточных знаний о русской чайной истории, традиции и обычаях;

- не знают названий некоторых предметов русской чайной церемонии, не имеют четкого представления об их предназначении;

- не знакомы со сложной семантической структурой на основе «чай-»;

- не полностью владеют синтагматическими связями лексем. Допускают ошибки различного характера на уровне глагольной сочетаемости (например, *разливать, наливать*), а также именной сочетаемости (например, *острый чай* (вместо *ароматный*)).

Таким образом, китайские студенты не имеют достаточных культуроведческих знаний об истории и традициях русской чайной культуры, также испытывают трудности, вызванные влиянием лексической интерференции, при употреблении безэквивалентной, коннотативной и фоновой лексики. Тогда обусловлена определённая методика обучающего эксперимента, предполагающая следующие шаги:

1. Формирование лингвострановедческого учебного словаря концепта «чай», включающего тесно связанную с культурой и грамматикой лексику с китайским переводом (например, информация об этимологическом и историческом развитии, сопоставительном характере, выделении безэквивалентной и фоновой лексики и т.д.).

2. Согласно данным различных словарей, создание лексико-семантических полей «микрконцептов», составляющих концепт «чай», отражающих специфику лексико-семантических характеристик.

3. Создание комплекса упражнений (языкового, речевого), значительная часть которых предполагает использование лингвострановедческого учебного словаря концепта «чай».

Процесс проведенного эксперимента и его полученные результаты не только отразили недостатки лингвострановедческих знаний о русской чайной культуре и лингвистике у китайских студентов, но и воплотили лексико-семантической значимости с точки зрения лингвострановедении в преподавании русского языка в Китае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык и культура представляют собой неразрывное единство, обусловленное влиянием национальных особенностей, социальных процессов и общностью функций, поскольку в культуре воплощаются средства, способы и результаты человеческой деятельности, называемые в культурологии артефактами, а в языке эти явления культуры находят своё лексическое выражение. Лингвострановедение как часть лингвистики получило свое развитие в появлении страноведчески ориентированного языка, культуры, истории и национальных особенностей.

В соответствии с целью, поставленной в диссертационной работе, была разработана модель исследования и описания «чая», «чаепития», характеризующаяся высокой культурной маркированностью и информативностью, оптимальная для его представления в китайской аудитории.

Очевидно, что проблемы лингвострановедения представляют научно-практический интерес для современного процесса преподавания иностранных языков и являются актуальным предметом изучения для лексикологов, лингвокультурологов, семасиологов. Данная работа реализует цели теоретического и практического плана и является определенным вкладом в разработку актуальных аспектов лингвострановедения. Особенно, приводя

«чаепитие» в пример, описываем лингвострановедческие лексические особенности между Россией и Китаем.

Были проанализированы: возникновение и развитие лингвострановедения, особенности лингвострановедения как отрасли лингвистики и лексико-семантические значения «чаепития» на материале художественных текстов в сравнении с китайским языком.

В лингвометодических целях был предпринят анализ лексической объективации «чая», «чаепития» по данным различных словарей. Материалы проанализированных словарей свидетельствуют о высокой степени «лакунарности» и культурной маркированности всех уровней лексической объективизации «чай» в русском и китайских языках: семантического, лексического, словообразовательного. Лакуны различного характера, маркирующие языковое пространство «чай», предопределены особенностями национальных чайных культур.

Анализ различных словарей позволил не только выявить лакунарные явления различного уровня, но и заключить, что составляющие концепт «чай», соответствует лексико-семантическое поле. Лексико-семантическая объективизация «чай» в русском языке свидетельствует о вербально выраженной культурной неравнозначности составляющих его микроконцептов. Так, в русской лингвострановедении микроконцепты «растение» и «высушенные листья», не имеющие значительной культурологической ценности, не включены в традиционный, литературный,

художественно-изобразительный и т.п. аспекты культуры, не имеют широкого лексического выражения. Однако эти компоненты имеют значительную ценность для китайской культуры.

Изучение художественного текста в аспекте лингвострановедения остается актуальной научной и учебно-практической задачей. Носителем культурологически значимой информации в тексте прежде всего является слово, которое вбирает смыслы, связанные с культурной и исторической действительностью, поэтому именно слово находится в центре лингвострановедческих исследований.

По функциональной классификации лексем, связанных с чаепитием, выделены: группа со словом «чай», группа со значением «посуда» и со значением «угощение», которые отражены в русских литературных произведениях. Затем, по сравнению с китайским переводом, нетрудно заметить широкие лексико-семантические поля «чай», которые будут способствовать формированию лингвострановедческой компетенции у китайских студентов. И при чаепитии существуют многочисленные чайные этикетки, которые как речевое поведение способствуют общению людей.

Разработаны упражнения для обучения китайских студентов культуромаркированной лексике касающихся «чаепития» русского языка. Полученные результаты дают возможность заключить, что обучение культуромаркированной лексике с опорой на концептуальный смысл, выраженный в языке, способствует формированию лингвострановедческой

компетенции, предполагающей лингвистический и национально-культурный уровни знания.

Внимание многих китайских студентов, изучающих русский язык, актуализировано речевой ситуацией «русское чаепитие» с уникальной спецификой. С помощью лексики, отраженной в русских художественных текстах и речевого поведения в использовании чайного этикета, для китайских обучающихся русский язык и русская культура становятся более мотивированными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системна лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры»,1995.
2. Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. Отношения, 1975.
4. Басманова Э.Б. «Пей чай, мой друг старинный...». М.: Новый хронограф, 2016.
5. Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. М.: Изд-во КоЛибри, 2007.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык,1980.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Три типа лингвострановедческого комментария // Русский язык в национальной школе. 1972. №1.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык,1983.
9. Воскресенская Л.Б. Лингвострановедческая паспортизация лексики. М.: Изд-во Московского университета, 1985.
10. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в девяти томах. Т.2. М.: Русская книга, 1994.
11. Гохуа У. Коротко об особенностях культурных коннотаций слова // Русский язык за рубежом. №2. 1994.
12. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2010.

13. Иванов Ю.Г. Энциклопедия чая. Смоленск: Русич, 2001.
14. Ивашкевич Н.П., Засурина Л.Н. Искусство чайного стола. Л: Лениздат, 1990.
15. Ковалев В.П. Современный русский литературный язык. М.: Просвещение, 1966.
16. Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке (Очерки о словарях русского языка). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000.
17. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка (БТС). СПб: Норинт, 2001.
18. Кузнецов С.А. Новейший большой толковый словарь русского языка (БЭС). СПб. М.: Юоринт, 1998.
19. Ларсон М.Л. Смысловой перевод: Руководство по теории межъязыковой эквивалентности и ее практическому применению. СПб.: Сев.-Зап. библейск. комис. 1993.
20. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982.
21. Лю Гохуа. Этимология слова «чай/ча» в русском и китайском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 1. С. 55 - 57.
22. Музей у вас дома. URL: <http://muzeumhome.tosbs.ru/>
23. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2013.

24. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение. Культурология. Страноведение: Теория и практика русского языка как иностранного: Метод. Пособие для студентов русистов и преподавателей русского языка иностранцам. М.: ИРЯП, 1995.
25. Прохоров Ю.Е. Национально-культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М: Педагогика-пресс, 1996.
26. Прохоров Ю.Е. Национально-культурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Педагогика-пресс, 1996.
27. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта. Наука, 2006.
28. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Том шестой: Евгений Онегин. М.: Воскресенье, 1999.
29. Рогожникова Р.П. Варианты слов в русском языке. М.: Просвещение, 1966.
30. Семенов В.М. Все о чае и чаепитии. Новейшая чайная энциклопедия. М.: Наука, 2006.
31. Складываская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб: Наука, 1993.
32. Соколов И.А. Российская «чайная сказка»: от истоков до конца XIX века
URL: <http://dushinechaju.ru/chajnye-sekrety/rossijskaja-chajnaja-skazka-ot-istokov-do-kontsa-xix-veka/>
33. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. М.: Флинта: Наука, 2006.
34. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинта: Наука, 2009.

35. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986.
36. Томахин Г.Д. Лингвострановедение, что это такое // Иностранные языки в школе. № 6. 1996.
37. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988.
38. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) / Дис... д-ра филол. наук. - М.: 1984.
39. Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения || Иностранные языки в школе. - М.: 1980. №4.
40. Томахин Г.Д. Человек и культура. М.: Наука, 1990.
41. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: 1988.
42. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. «Альта-Принт», ООО Издательство «Дом. Век.», 2008.
43. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в практике обучения иностранным языкам. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1993.

44. Цзоу Сюецян. Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов / Атореф...дис. канд.пед.наук. СПб., 2007.
45. Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь. URL // <https://shansky.lexicography.online>
46. Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988.
47. 刘文飞, 普希金小说选, -桂林: 漓江出版社, 2013年3月。
48. 孙文方, 汉俄语言对比与翻译方略, -哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2016年10月。
49. 王玲, 中国茶文化, -北京: 九州出版社, 2009年7月。
50. 吴国华, 彭文钊, 关于语言国情学, 当代语言学, 第三卷第三期 199-209页, -北京: 2001年
51. 杨春水, 茶典, -呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 2004年5月。
52. 闫国栋, 中国文化概况, -天津: 南开大学出版社, 2002年。
53. 张建华等编, 现代俄汉双解词典, -北京: 外语教学与研究出版社, 1992年4月。
54. 赵丁, 茶的故事, -北京: 地震出版社, 2003年1月。
55. 上海外国语学院, 汉俄词典, -北京: 商务印书馆, 2000年。
56. 辽宁大学外语系, 新俄汉词典, -沈阳: 辽宁人民出版社, 1993年。
57. 在线新华字典, URL // <http://xh.5156edu.com/>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Категория	Русское слово	Китайский перевод
Слова с основой «чай-»	чайный	茶[的]; 茶叶[的]
	чаеразвесочный	茶叶分称包装的
	чаеупаковочный	包装茶叶的
	чаинка	一小片茶叶
	чайник	茶壶
	чайница	茶叶罐, 茶叶筒
	чайная	茶馆
	чайхана	(中亚的)茶馆
	чаепитие	喝茶
	чаёвничать чайничать почаёвничать Чаёвничанье	喝茶消遣
	чаеоторговля	茶叶贸易
	чаёвник чаёвница	爱喝茶者
	чаевод	茶树栽培家
	чаеводство	茶树栽培; 种茶业
	чаевые	茶钱; 小费
Посуда при чаепитии	самовар	茶炊
	чайная ложка	勺子 (喝茶时专门用的)
	блюдец	茶碟
	чашка	茶杯
	подстаканник	玻璃杯托
	стакан	[玻璃]杯
	креманка	甜品杯
	ситечко	滤网
	поднос	托盘
	полоскательница	洗杯盆, 涮杯盆
	чайная скатерть	桌布 (喝茶用的)
	щипцы для колки сахара	钳子 (用来夹碎块糖)
	чайник для заваривания	茶壶
	Чайный кувшин	茶海
	чайная коробочка	茶盒
	фарфоровая ложка	瓷勺
	бамбуковая ложка	竹勺
широкий деревянный поднос	茶盘	

	плоская фарфоровая подставка	平瓷架
	фарфоровый чайник	瓷壶
	глиняный керамический чайник	紫砂茶壶
Угощение при чаепитии	сахар	糖
	варенье	果酱
	мёд	蜂蜜
	ром	朗姆酒,糖酒
	лимон	柠檬
	фрукты	水果
	ягода	浆果;野果
	хлеб	面包
	молоко	牛奶
	сливки	奶油
	сметана	酸奶油
	пирожное	[甜]点心
	торт	蛋糕
	булочные	小白面包
	печенье	饼干